

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антон Мищенко

Счастье безумца

Антон Юрьевич Мищенко

Счастье безумца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076418

SelfPub; 2020

Аннотация

Виктор – обыкновенный с виду подросток, на самом деле является сыном известного и ныне осужденного маньяка-поджигателя. Взрослея, он с ужасом обнаруживает в себе нарастающую тягу к огню, с чем пытается бороться и жить нормальной жизнью. Однако тьма в глубине души все сильнее затягивает Виктора, и оставаться нормальным становится все сложнее. Параллельно с этим за семьей Виктора наблюдает бывший компаньон его отца, задумавший месть. Содержит нецензурную брань.

Антон Мищенко

Счастье безумца

Предисловие.

Два человека, тяжело дыша, стояли посреди деревенской избы, глядя на проделанную только что работу. Результатом этой работы было мертвое тело хозяина избы, над которым склонились его незваные гости, переводя дух после непродолжительной, но изматывающей схватки. Один из них, худощавый мужчина немного за тридцать, первым отдышался и шагнул назад, когда кровь убитого ими человека густой приливной волной приблизилась к носкам его ботинок. У второго это вызвало короткий смешок, и тот театрально показал на тело ладонями.

– Всегда знал, что ты крови боишься, – сказал он и рассмеялся бы, но сбитое дыхание превратило смех в кашель.

– Крови..., – проворчал худой и поднял стоявшую у входа канистру с бензином.

– Да погоди ты, – придержал его второй, – Давай поищем, что тут.

Худой с недоумением посмотрел на приятеля и с гулким звоном поставил канистру на пол.

– Не жадничай, Дима, – спокойно произнес он, – Что ты тут найдешь? Рубли одни дореформенные.

– Рубли – тоже деньги, – пожал тот плечами и открыл

небольшой настенный шкафчик.

– Кого ты обманываешь? – поморщился худой, – Как буд-то ты ради денег стараешься.

Тот, кого звали Дима, перестал рыться в шкафчике и повернулся к приятелю, взглядом выражая истинное недоумение.

– "Ты"? – переспросил он, – Не "мы", а "ты"?

– Да, ты! – со злостью ответил худой, – Мне этого никогда не было нужно!

Дима, изображая бессилие, свесил руки плетьюми и устало покачал головой.

– Напомнить тебе, кто ты такой? – спросил он, – Напомнить, что ты такой же, как я? Или то, сколько людей погибло в тех домах, которые ты поджег?

– Мне плевать на людей! – проорал худой, – Не я подпи-рал двери! Мне плевать, умрут они, или выберутся! Это тебе хочется убить любого встречного...

– Не любого, – покачал тот головой, улыбнувшись, – Вот тебя не хочется убить. Ты же брат мне, названный.

Он шагнул к худому и, обхватив его руками за голову, изобразил подобие объятий. Худой не ответил, лишь постоял какое-то время без движений, после чего оттолкнул приятеля.

– Ты меня делаешь хуже, – проговорил он, – Ты любишь убивать людей и заставляешь меня думать, что и я тоже.

– А что, мамашка тебе не велела связываться с плохой

компанией? – воскликнул Дима и наигранно хлопнул себя по лбу, – Ах, да! Не было у тебя никакой мамашки. Ты ведь такой же детдомовский, как и я. Ну, думай, Максимка, думай! В семидесятых детство пехеренное, в восьмидесятых юность безумная... Девяносто четвертый уже, а ты все не поймешь, кто ты на самом деле.

– Не такой я, как ты, – проворчал худой, но прозвучало это не убедительно, словно он сам себя пытался уверить в своих словах.

– Это обидно, Максим, – Дима облокотился на стоявший в углу стол, – Когда мы убивали тех отморожков в Ангарске, тебе это нравилось. А теперь ты себя ставишь таким моралистом, что я рядом с тобой чувствую себя последним ублюдком.

– Мы оба ублюдки, но я, по крайней мере, этого не отрицаю. Тех козлов в Ангарске лично я убивал из-за денег. Но ты, Димка, из чистого удовольствия...

Дима резко подскочил к приятелю, тыкнув тому пальцем в грудь.

– Ты смеешь обвинять меня, когда сам удовлетворяешь своих демонов, поджигая дома! Ты с десятков людей убил своими пожарами!

– Мне плевать! Не это главное! – проорал в ответ худой, и какое-то время они стояли, глядя друг на друга налитыми кровью глазами.

Дима первый разрядил обстановку, сменив гневный

взгляд на веселый.

– Ты чего кричишь? – спросил он и растянулся в улыбке, – Давай, делай свое дело и пошли. Деревня глухая, но не пустая. Не хватало, чтобы участковый приперся.

– Это последний раз, Дим, – худой устало вздохнул, – Я должен жить нормальной жизнью. У меня жена дома. Дети растут. Я должен забыть, понимаешь? Должен жить...

– Как сраные обыватели?! – взорвался Дима, – Ты не часть этого общества! Не такой, как они, сука такая, ты понимаешь?!

– Я могу быть таким, как они! – проорал в ответ худой, – И лучше тебе это принять.

– Нет, братик, не-е-е-т, – протянул Дима, – Не я тебя тяну в бездну. Мы оба уже давно там. И если ты продолжишь обманывать себя...

Договорить приятель ему не дал. Схватив отвертку, упавшую на пол в ходе стычки с хозяином дома, он наотмашь ударил приятеля, целясь тому в шею. Дима уклонился от удара и, перехватив руку приятеля, выбил у него отвертку. Зазалась борьба и через секунду двое мужчин уже катались по полу, рыча и кряхтя от боли. Дима, который физически уступал приятелю, нащупал валявшийся на полу молоток, и худой едва успел подставить руку, чтобы защитить голову от удара. Выхватив у него молоток, худой уперся рукой ему в лицо, отогнув его голову назад, и ударил его молотком, угонив прямо в горло.

Дима отскочил в сторону, схватившись за горло, и мелко затрясся, пытаясь вздохнуть. Воздух через разбитую трахею не поступал, что означало скорую смерть от асфиксии, и худой, поднявшись на ноги, схватил канистру и выбежал в сени. Взяв полено, лежавшее в углу, он подпер дверь, как до этого десятки раз делал его приятель, чтобы не дать жильцам выскочить из горящего дома, и принялся разливать бензин по полу и стенам. Закончив, он отошел к выходу на крыльцо и чиркнув спичкой о коробок, поджег его и бросил в дорогу из горючей жидкости.

Пока огонь занимался внутри дома и не был замечен снаружи, худой человек вышел на улицу, где начинало светать, и подошел к старенькому "уазу", принадлежавшему хозяину дома. Возле "уаза", в покрытой утренней росой траве, лежала сумка с деньгами, украденная у вусмерть пьяных отморозков, сожженных заживо около недели назад. Самая настоящая валюта, остававшаяся таковой, пока рубль вырисовывал высокие волны на финансовых схемах, убивая веру в стабильность, обещаную после развала предыдущего строя.

Забросив сумку в "уаз", худой человек сел за руль и запустил старый промерзший двигатель. От деревни, где он сейчас находился, до Иркутска, в котором его ждала семья, уверенная, что он в командировке, было почти триста километров, и к вечеру этого дня он бы, как обычно, вернулся домой, обрадовав молодую супругу деньгами, которые "заработал на северах".

Однако в последнее время его мучало осознание, что петля на его шею уже накинута и с каждым днем все сильнее затягивается. Весь тот путь, который он прошел вместе со своим названным братом Дмитрием Космой, с которым они вышли из одного детдома, не мог не привлечь внимания как общественности, так и милиции. Оба они были с психическими отклонениями, и если он, худой человек, Максим Делов, был пироманом, получающим удовольствие от созерцания пожаров, им же устроенных, то Дмитрий чувствовал себя удовлетворенным только после очередного убийства.

Тот кровавый, вымощенный трупами след, который они вдвоем оставили за годы удовлетворения своих потребностей, наложил свой отпечаток, и в тот момент Максим верил в стойкое ощущение, что уже совсем скоро для него все закончится. Еще с самого начала он полагал, что рано или поздно их поймают, и больше волновался за то, как его семья воспримет новость о том, что их отец вовсе не узкопрофильный слесарь, зарабатывающий в командировках, а тот самый маньяк-поджигатель, о котором уже не первый год пишут газеты.

Едва старый "уаз" покинул деревню, ощущение близящегося конца становилось все сильнее, и в конце концов Максим не выдержал и свернул в лес, тянущийся вдоль дороги. Заехав максимально глубоко, насколько позволяла разбитая колея, Максим взял сумку с долларами, штыковую лопату, целофановые мешки, и продолжил путь пешком, все дальше

углубляясь в сосновый бор. По пути он оставлял на деревьях насечки с помощью лопаты, и спустя несколько часов пути, забредя практически в непролазные дебри, принялся копать. Пачки денег, стянутые резинками, он упаковывал в пакеты и складывал в сумку, которую бросил в полтораметровую яму и забросал сверху землей. На массивном стволе сосны, растущей рядом, Максим сделал отметку в виде крестика и, подхватив лопату под мышку, зашагал назад.

Второй раз "уаз" не завелся, и еще минут сорок заняло пешее возвращение до дороги. Там вскоре остановился дальнобойщик, который и довез "отставшего от автобуса" Максима до Иркутска, где тот оказался уже к утру следующего дня. В подъезд девятиэтажки, в которой Максим жил, тот вошел с полной уверенностью, что его перехватят на лесничной площадке, однако кроме спящего в углу местного алкаша в подъезде больше никого не было.

– Папа вернулся! – встретил Максима детский голос девятилетнего сына, который выбежал в прихожую с динозавром, собранным из металлического конструктора.

– Устал? – спросила его супруга, на ходу вытирая руки кухонным полотенцем, – Я сегодня говядины взяла, почти без жира. Кстати, тебя одноклассник искал.

– Какой одноклассник? – уточнил Максим, чувствуя, что если бы тревожный сигнал, звучащий внутри, был корабельной сиреной, то давно бы перегорел от непрерывного, несмолкающего воя.

– Андрей Фролов, – она взяла лист бумаги, на который записала данные визитера, и протянула мужу, – Говорит, он в Москве сейчас, а в Иркутск к маме приехал. Хотел встретиться.

Никакого Андрея Фролова Максим никогда не знал, и уже прекрасно понимал, в чем дело. За решение закопать сумку он в очередной раз похвалил свое предчувствие, ведь если его арестуют с неучтенной валютой, то семье не останется ни копейки.

– И как там Андрюха? – спросил Максим, садясь за стол. Аппетита не было, но важно было сохранять перед супругой маску повседневности.

– Я не знаю, – она пожала плечами, – Он расстроился, как узнал, что тебя не застал. Но обещал зайти опять.

– Карлсон, – хмыкнул Максим, закатывая рукава.

– Макс, заплатили в валюте? – немного напряженно спросила супруга.

– Да, завтра на книжку переведут, – заверил он.

– Не кинут? – опасливо спросила она.

– Ну когда кидали то? – он изобразил раздражение. Все чувства приходилось изобразить. Единственным его истинным чувством была осторожность, с которой он действовал. Он снова похвалил себя за то, что закопал деньги в сосновом бору. Если все останется по-прежнему, то следующий день он потратит на то, чтобы вернуться туда и достать часть денег.

Семейный завтрак был прерван настойчивым стуком в дверь...

Глава 1.

Огонь. Языки пламени, пляшущие перед глазами, были единственным зрелищем, которое могло привести меня в состояние умиротворения. Нет, я не был психопатом и вообще практически не отличался от людей, которые меня окружали, если бы не потребность в огне. Создать его, наблюдать за ним, иногда даже хотелось коснуться его. Скрывать эту потребность я научился спустя годы после того, как понял, что не обошлось без наследства, оставленного мне моим отцом. Это не то наследство, которое я желал бы получить, и не то, от которого можно было избавиться по желанию.

Начну сначала. Зовут меня Виктор Скворцов, а отцом моим был маньяк-поджигатель Максим Делов. Когда его арестовали, мне было девять лет, а слава о его событиях какое-то время гремела на всю страну. Суд добился тюремного заключения, отвергнув версию о психическом расстройстве, поскольку каждое совершенное им преступление было заранее тщательно спланировано, что не свойственно больным людям. Свой путь психопата-поджигателя он начал еще до моего рождения, а после того, как его увели из нашей квартиры в Иркутске, матери пришлось сделать все возможное, чтобы убежать от оставленной им славы. Каждый, кто был хоть как-то связан с этим делом и с нашей семьей, норовил сравнить нас с семьями известных маньяков, и мать была вы-

нуждена разорвать все знакомства и уехать из Иркутска, пока ненужная популярность не выросла до масштабов городской известности.

"Смотрите, это та! О, а это сын Делова. Таким же вырастет, я то знаю. Иди, иди давай, выродок." Примерно этого мы успели наслушаться, пока не покинули Иркутск. Тут спасибо следователю Орехову, занимавшемуся делом Делова, уж простите за тафталогию. Старый такой, матерый мент советской закалки, он к своим пятидесяти не поднялся выше майора, слишком был правильным, по мнению своих коллег, которые к сорока уже носили генеральские звезды. Раскрытие дела поджигателя позволило ему уйти на пенсию в звании подполковника, но на подобные нюансы мне всегда было плевать. Единственное, за что мы были ему благодарны, это за его помощь в том, чтобы мы смогли затеряться, открестившись от ненужной нам славы.

Мама вскоре продала квартиру, как раз в тот день, когда Маше, моей сестре, исполнилось пять лет. У всей семьи – всей оставшейся семьи, отец в которой пропал без вести и не упоминался – сменилась фамилия на мамину девичью, и в девяносто пятом мы, Скворцовы, уже жили в небольшом городке под названием Сосногорск в Иркутской области. Городов с таким названием хватало по всей России, и наш был типичным "Энском". Промышленная дыра, с разбитым асфальтом на дорогах, грязным снегом, или просто грязью в теплые месяцы, и сильным контрастом социальных слоев. В

Сосногорске было много бомжей, алкашей, наркоманов, и, как мне диктовало мое детское восприятие, несколько мутантов не от мира сего. Ими были люди, сторчавшиеся настолько, что на людей были похожи лишь... Да ничем не похожи. Походка, лица, звуки, вечно коровоточащая слюна, которую они роняли – к нам можно было бы пригласить Джорджа Ромера, чтобы набрался новых образов для очередного зомби-хоррора.

Собственно, главной целью большинства жителей нашего города было перебраться в более пригодное для жительства место. Те, кто не мог позволить себе переезд в Москву, рвались в тот же Иркутск, или любой другой большой город Сибири. Мы же вынуждены были сделать шаг назад и смириться с мыслью, что двухкомнатная квартирка в старой пятиэтажке с видом на заброшенную стройку – наше пристанище на следующие много лет. Смириться и с условиями жизни, которые диктовал Сосногорск середины девяностых. Уверен, он и сейчас не слишком далеко ушел от тех времен, но тогда его можно было охарактеризовать, как типичный аналог Дикого Запада, кишаший всеми атрибутами российской глубинки девяностых годов.

Безработица, бандитизм, коррупция в каждой отрасли, и острый контраст бедного слоя населения с процветающе-криминальным. Забавно было наблюдать, как на светофоре, подрезав очередной ржавый "москвич", останавливался "мерседес" с новым российским бизнесменом за рулем.

"Москвичи" бизнесмен не замечал, владельцев их и вовсе не считал за людей, не удостоивая их вниманием, лишь вальяжно вращал руль одной рукой и кричал в здоровенный мобильный телефон, на другом конце которого находился подобный ему персонаж.

Меня, десятилетнего пацана, тогда все это не волновало в силу возраста, но тот факт, что жизнь изменилась в худшую сторону, я понимал. Мама работала бухгалтером на местном заводе, куда я заходил после школы, чтобы забрать сестру, которую с утра она была вынуждена брать с собой. Дома я, как умел, готовил обед, чтобы мама могла перекусить после работы, перед тем, как отправиться на вторую. Смена уборщицы в гостинице длилась до полуночи, а в восемь утра снова начиналась смена на заводе. Денег все равно не хватало, и кратковременные стимулы, вроде продажи старой отцовской "копейки", ненадолго выравнивали положение.

Именно тогда у меня и обнаружилась нездоровая тяга к огню. Впрочем, мне она поначалу не казалась чем-то странным, и относился я к ней, как к обыкновенной привычке, наподобие ковыряния в носу или хруста пальцами. Привычка меня не беспокоила, однако быстро и прочно мной овладела, и я чувствовал себя неуютно, если, отправившись в школу или на улицу, забывал взять с собой коробок спичек. Сидя где-нибудь на заборе, я поджигал спички и одну за другой бросал вниз, глядя, как они сверкают маленькими огоньками. Любил также подпалить сухие листья, обрывки бумаги,

или любой горючий мусор, и смотреть, как он превращается в пепел.

Но этого становилось мало, и с каждым днем я ощущал все более острое желание поджечь что-то покрупнее, нежели куча сухих листьев. Наша дворовая компания состояла из трех пацанов: помимо меня был еще Аршам Дарбинян и Коля Звонарев; и оба моих друга с радостью согласились, когда я предложил забраться на заброшенную стройку и подпалить один из деревянных сараев, в которых некогда жили рабочие. Несмотря на сырую погоду и холод, затея удалась на ура, и уже через несколько минут после того, как я вынул из кармана коробок спичек, сарай полыхал, превратив сумеречный вечер едва ли не в яркий день.

Я помню, насколько сильный прилив эмоций я испытал в тот вечер. Огонь так заморозил меня, что на какое-то время я выпал из реальности, загнипнотизированный зрелищем. Впервые за свою жизнь я почувствовал столь сильную эйфорию, которая, я до сих пор в этом уверен, способна вызвать тягу к жизни даже у самого законченного ипохондрика. Из забытья меня вырвали друзья – им сначала едва не силой пришлось тащить меня со стройки, а когда я опомнился, совсем рядом уже звучали сирены пожарных машин.

Позже в тот вечер, когда я пришел домой, то наткнулся на суровый взгляд матери, которая откуда-то знала, что столб дыма, тянущийся со стройплощадки – дело моих рук. Скрывать что-либо было бесполезно, так как радость и возбуж-

дение довольно заметно были выражены у меня на лице, и оправдываться, на ходу лавируя в потоке собственной лжи, я был просто не в состоянии. Мама умела быть строгой, когда нужно, но в тот момент я заметил, что за сурово сдвинутыми бровями скрывается страх. К моему удивлению, вместо того, чтобы устроить мне заслуженную взбучку, мама отвела меня на кухню, и сказав сесть на стул, плотно закрыла дверь, на случай, если любопытная Маша решит подслушивать.

Я не совсем понимал, что происходит, и все еще ожидал неприятностей, а мама, сев напротив, спокойно спросила:

– Давно тебя тянет поджигать?

– Не знаю, – я пожал плечами и задумался, – С лета, наверное.

– А еще что-нибудь хочется? – голос ее звучал настороженно, она боялась услышать мой ответ, – Обидеть кого-то хочется? Навредить кому-нибудь?

Я отрицательно покачал головой, так как подобных наклонностей у меня и впрямь не было. Внезапно меня осенило, чего так опасается мама, и меня самого пробрала неприятная дрожь.

– Это из-за него? – спросил я, – Я могу стать, как отец?

Мама чуть заметно вздрогнула. Видимо, она до последнего пыталась оттянуть главный контекст всего разговора.

– Нет, – заверила она нас обоих, – Нет, Витя. Таким ты не станешь. Ты... Ты ведь можешь себя контролировать? Ты отдаешь отчет своим поступкам?

На этот раз я положительно кивнул, хотя тогда не совсем понял, что мама имеет в виду. На самом деле, отчет поступкам я действительно отдавал, и не стал бы ничего поджигать там, где меня могли поймать. Голова у меня работала нормально, что касается развития. В школе я учился неплохо, не выделяясь среди других детей, но после того разговора моя тяга к огню стала пугать меня, и одновременно манить.

– Хорошо, раз так, – продолжила мама, – Ладно, иди купаться и спать. Завтра в школу.

На самом деле тот разговор был несколько длиннее: мама объясняла, почему мне следует держаться подальше от неприятностей и что для этого нужно делать. Но такие разговоры есть в каждой нормальной семье, и с годами он благополучно забылся. Я встал со стула и уже повернулся к маме спиной, когда она спросила:

– Ты ведь постарайся больше ничего не поджигать?

– Да, – коротко отрезал я, радуясь, что не смотрю ей в глаза в этот момент.

Я знал, что это неправда, и мог лишь обещать, что не буду ничего поджигать в ближайшее время. Мне не было известно, сколько продлится запал после сарая, но одно я мог сказать точно – то чувство, которое я испытал, глядя на устроенный мной пожар, будет преследовать меня, требуя испытывать его снова и снова.

Можно сказать, что в тот вечер настал переломный период, сделавший из меня того, кем я позже стал. Хотя главную

роль сыграл совсем другой человек, вскоре появившийся в нашей жизни и круто ее изменивший, но обо всем по порядку.

Глава 2.

После того, как мы подожгли сарай, прошло около недели, и жизнь продолжалась, вернувшись в свое русло. Была суббота, и мы сидели на лавочке во дворе, по очереди передавая друг другу "тетрис", который Аршаму прислал отец из Москвы. Он, его отец, уже больше года работал в столице, присылая семье деньги и готовя почву, чтобы перевезти их из Сосногорска. Моя мама общалась с Вануш, матерью Аршама, и я был в курсе того, что его отец связан с торговлей и часто рискует, поскольку эта отрасль плотно переплеталась с незаконной деятельностью.

Колины же родители погибли, и он жил с бабушкой в конце квартала, что почти каждый раз вспоминала наша соседка Нина Вячеславовна, дабы использовать это, как повод прогнать его. Она была эдаким дворовым гестаповцем – противная бабища, вечно брюзжала, ворчала, собирала и распространяла слухи и везде норовила вставить свои пять копеек. Я часто ловил себя на мысли, что очень хочу поджечь ей дверь, и останавливало меня лишь то, что если начать пожар в нашей пятиэтажке, то до приезда пожарных выгорит весь подъезд.

Впрочем, десятилетний я был довольно скромным и стеснительным парнем, и теперь вспоминаю тысячи случаев, ко-

гда мог бы ответить ей на ее хамство, и никто бы не стал меня в этом упрекать. Но тогда, в девяносто пятом году, она прекрасно понимала, что мы не станем ей возражать, и всю этим пользовалась. Помню, я очень боялся, что она узнает, кто наш с Машкой отец... Тогда она точно испортила бы нам жизнь, поскольку новость моментально разнеслась бы по городу.

– Чего расселился?! – раздался ее голос еще до того, как вечно недовольное лицо Нины Вячеславовны показалось из подъезда.

Мы недовольно обернулись на голос, понимая, что сейчас затянется типичный хит нашего двора под названием "валите отседа" в исполнении всеми любимой соседки.

– Ты вообще он с того дома, – махнула она на дальнюю пятиэтажку, обращаясь к Кольке, – Вот и нечаго сюды шагать. Припрутся, наплюют, этой, бычков накидают. Ну, кому сказала!

"– Ничего нового", – подумал я, каждый раз искренне недоумевая, за что можно так ненавидеть всех вокруг. Ругательства ее были эдаким собирательным образом, потому что за бычки, шприцы, бутылки, она могла предъявлять как и местным алкоголикам, так и десятилеткам. Впрочем, молодежь постарше она побаивалась, учитывая основной контингент людей от шестнадцати до двадцати пяти, которые уже начинали вращаться в околоскриминальных кругах. Тетя Нина понимала, что стоит ей попытаться прогнать пацанов,

которые на самом деле бросают бычки и бухают ночью во дворе, то окончится это для нее, скорее всего, плачевно, потому страдали от нее только те, кто не мог возразить в силу возраста или воспитания.

– Это не мы, – ответил ей Аршам, – Мы вообще не курим.

– А ты вообще молчи, этой, черной, – окрысилась соседка, – Папку то не посадили еще, в Москве-ть? Ниче, скоро посадють. Мало вам в Чечне, так вы сюды прете.

– Я не чеченец, – ответил Аршам, которому всегда доставляло удовольствие злить тетю Нину самым банальным способом – вежливостью.

– Ты мне не умничай! – тут же вскипела она, – Матери скажу, отой она тебя выпорот.

– За то, что армянином родился, что ли? – хмыкнул Аршам, и мы с Колькой не сдержали смех.

– А ты чего ржешь?! – переключилась она на меня, – Тоже сегодня к матери зайду. Ты посмотри, от рук отбились, черти мелкие.

Неизвестно, сколько бы она продолжала разоряться, если бы во двор не вышел дядя Игорь, при котором она вела себя более-менее сдержанно. Игорь Анатолич Михолап, или как мы его называли – дядя Игорь – был, пожалуй, самым приятным соседом. Высокий пузатый беларус, с отличным чувством юмора, из тех, кто начинал рассказывать анекдот, к середине уже не сдерживал улыбки, а под конец сам хохотал так, что посуда в квартире звенела. С ним и его супругой Ан-

ной Андреевной мы дружили семьями. Новый год и другие значимые праздники мы справляли вместе, да и кроме этого дядя Игорь часто помогал нам, как мог.

– Чего надрываешься, Вячесланна? – спросил он своим басовитым голосом, взглянув на нее с задоринкой, блестящей у него в глазах.

– Совсем управы нет на этих, – пожаловалась Нина Вячеславовна, – Бутылок понабили, напачкали, этой, наследили в подъезде, сарай спалили!..

"– С последним вы правы," – невольно подумал я, однако продолжал сидеть с невозмутимым видом.

– На хлеб цены вздули, – подхватил дядя Игорь, подкуривая папиросу.

– На хлеб цены..., – машинально начала было повторять Нина Вячеславовна, подумавшая, что нашла союзника в своей войне с потерянными поколениями, – Я в мялицию-то напишу, вас в детдом живо определяют.

– Да ладно, в мялицию, – передразнил дядя Игорь, – Им там и без того есть чем заняться.

– Старость, между прочим, уважать надо, – безапелляционно отрезала Нина Вячеславовна.

– Нужно, кто ж спорит, – согласился дядя Игорь.

– Вот и пушай уважают! – чувствуя победу, заявила тетя Нина.

– А вдруг ты за Ельцина голосовала, – дядя Игорь с прищуром посмотрел на нее, и растянулся в улыбке.

– Чаво-о-о-й? – протянула она, не понимая, что от нее хотят.

Дядя Игорь махнул на нее рукой, потеряв к ней всякий интерес, и Нина Вячеславовна, бухтя что-то себе под нос, направилась в сторону магазина.

– Это что, "тетрис" что ли? – он кивнул на игрушку в руках Аршама.

– Ага, – довольно ответил тот, – Хотите поиграть?

– Пока нет, – Игорь Анатолич кивнул в сторону гаражей, – Айда, поможете.

Мы встали и гурьбой направились за здоровым, как медведь, дядей Игорем. Он работал водителем молоковоза, и мы частенько заглядывали под капот старенького "газа", пока тот менял очередную деталь. Нам нравилось принимать участие в таком взрослом деле, как ремонт грузовика, но в тот раз я был целиком поглощен своими мыслями, и мне было не до всеобщего веселья.

После сарая и разговора с мамой меня не покидало ощущение, что я невольно пойду по стопам отца. Ведь он тоже был вполне обычным ребенком, школьником, солдатом, студентом, потом рабочей ячейкой общества, пока тяга к поджогам и убийствам не взяла над ним верх. Теперь я со страхом ждал того дня, когда мне вдруг захочется, чтобы в устроенном мной пожаре кто-нибудь погиб.

Позже вечером, когда я уже был дома, в дверь позвонили, отчего я вдруг вздрогнул, ожидая чего-то плохого. Вре-

мя было около семи вечера, и придти мог кто-нибудь из соседей, тетя Аня, жена Игоря Анатолича, или тетя Вануш с очередным рецептом пирога, но любопытство заставило меня оторваться от тарелки макарон и выглянуть в прихожую, глядя, как мама открывает дверь. На пороге перед ней предстал невысокий худощавый мужчина за тридцать, довольно интеллигентной внешности, который тут же машинально потупил взгляд, скрывая стеснительность.

– Простите, что так поздно вас беспокою, – заговорил он, – Вы Кристина Александровна Скворцова?

– Да, а вы кто? – спросила его мама.

– Меня зовут Михаил, – представился мужчина, – Дело в том, что я нашел ваш паспорт.

– Мой паспорт? – удивилась мама, – Но я не теряла паспорт...

Голос ее зазвучал неуверенно, и она, обернувшись, крикнула вглубь квартиры:

– Маша! Принеси мою сумочку!

Из комнаты вышла моя пятилетняя сестра с маминой сумкой в руках и протянула ее маме. Наш визитер по-прежнему стоял на пороге, переминаясь с ноги на ногу и ожидал, пока мама потрошила свою сумку. Паспорта там действительно не оказалось, и она перевела сконфуженный взгляд на незнакомца.

– Ну, вот, – он пожал плечами, показывая, что "я же говорил", и сунув руку за пазуху, вынул паспорт и протянул маме.

– Наверное, в гастрономе выпал, – пробормотала мама.

– На рынке, – ответил визитер, – Я заметил сразу, побежал за вами, но вы сели на автобус, а его я уже не догнал.

Говоривший при этом выглядел так, будто это целиком и полностью его вина, что паспорт выпал из маминой сумочки и она этого не заметила.

– Спасибо вам огромное, – поблагодарила мама, взяв паспорт, – Послушайте, много у нас нет, сколько вас устроит? У меня пятьдесят тысяч есть.

– Нет-нет, не надо денег, – поспешил возразить незнакомец, – Правда, не надо.

– Ну может, хоть чаю выпьете? У нас хороший чай, китайский. Вы проходите, Миша, проходите, – мама за рукав втянула его в квартиру и закрыла дверь, – Другой бы кредитов набрал на чужой паспорт, а вы... Витя! Налей чаю.

– Нет, Кристина Александровна, мне еще на работу надо успеть, – продолжал стесняться тот, – Я бы с радостью, но прада, некогда, конец недели...

– Хоть от компота не откажетесь? – предприняла мама последнюю попытку благодарности, – Холодный, из сливы.

– Да? – Михаил вскинул брови, – От компота не откажусь.

Получив кружку компота, он за один присест осушил ее и аккуратно вытер рот краем рукава.

– Спасибо, – поблагодарил он и потянулся к дверной ручке, – Ну мне правда пора уже. Вы это, повнимательнее впредь.

– Вам спасибо, – ответила мама и, закрыв за ним дверь, прислонилась к ней спиной и пробормотала, – Ну надо же, паспорт выпал.

Я прошел в комнату, окна которой выходили на двор, и глянул вниз. Наш визитер вышел из подъезда, сел в старенький "опель кадет" и уехал, оставив следы на грязном дворовом асфальте. Я почему-то обратил внимание на номера, старые еще, с иркутским "ир" в конце, вместо тридцать восьмого региона.

– Мам, а ты пасполт потеляла, а дядя плинес? – полюбопытствовала Машка, у которой часто за одним вопросом следовали еще с десятков.

– Принес, Маша, принес. Через "р", – поправила ее мама, – Ты ведь умеешь, не ленись.

– Принес, – исправилась Машка, тщательно проговорив нужную букву.

– Дядя порядочный, – сказала мама, – Странно даже, откуда такие у нас-то в городе.

– Пор-р-рядочный, – протянула Машка и, схватив одну из моих машинок, умчалась в комнату со звуком "р-р-р-р".

Случай и впрямь был неординарный, и я бы еще долго мусолил его в голове, если бы не мои собственные заморочки, вытеснявшие все остальные мысли. К тому же, мне снова хотелось что-нибудь поджечь, и я часами чиркал спички о коробок, глядя, как тонкие палочки, одна за другой, сгорают, под конец обжигая кончики моих пальцев. Но это

не помогало, а сарай, полыхающий таким прекрасным, гудящим, умиротворяющим пламенем, постоянно стоял у меня перед глазами. Это выливалось в нервозность, плохое настроение и постоянный уход в себя. Порой маме приходилось по несколько раз окликать меня, прежде чем я мог ее услышать.

Посреди недели, когда я шел в школу, меня привлекла толпа людей, окруживших что-то, чадящее густым черным дымом, вздымающимся вверх. Подтянув ранец за лямки, чтобы не болтался, я побежал в сторону скопления людей, и вскоре передо мной открылась картина свежего происшествия. Посреди дороги, лежа вверх колесами, полыхал "ниссан". Его я уже видел прежде, ездили на нем типичные братки, да и сама машина была довольно дорогой для большинства людей. В стороне от машины лежали два тела, их уже успели накрыть плащами, а неподалеку милицейская "шестерка", которая при ближайшем рассмотрении оказалась испещрена пулевыми отверстиями.

Через минуту к месту происшествия подъехали еще два милицейских "уаза", и новоприбывшие менты принялись активно оттеснять любопытных, подобравшихся слишком близко к горящему автомобилю. Вскоре подъехал "рафик" скорой помощи; как оказалось, один из ментов был ранен в перестрелке; а следом за "скорой" и пожарный "зил", тот самый, что приезжал тушить сарай. Я знал это наверняка, поскольку в сосногорской пожарной части было только два ав-

томобилия – этот и автолестница.

Но до того, как горящую машину принялись тушить, я неотрывно глядел на нее, борясь с противоречивыми чувствами. С одной стороны, это был огонь, такой, каким я его люблю – неистовый, шумный, всепоглощающий, но чего-то в нем не хватало. И вскоре я понял, чего именно. Это был не мой огонь. Не я его создал, и между ним и мной не было той связи, которую я жаждал испытывать. И когда в пламя ударила тугая струя из пожарного шланга, я не почувствовал сожаления по поводу того, что огонь стал стремительно угасать. Однако осознание новой стороны моей тяги к огню породило конкретное желание – сжечь автомобиль. И желание это было столь же навязчивым, как и тогда с сараем.

– Эй, пацан! – окликнули меня, и я вернулся в эту реальность.

Я повернулся на голос и увидел милиционера, строго глядящего на меня.

– Ты так уставился, будто это твоих рук дело, – сказал он, не отводя взгляда.

– Нет, я просто..., – заоправдывался было я.

– Хватит ворон считать, – отрезал тот, – Бегом в школу, а то в обезьяну закрою.

Стоит ли говорить, что в тот день я был настолько поглощен своими мыслями, что отсутствовал на всех уроках. Точнее присутствовал, мое тело сидело за партой, его можно было толкнуть, окликнуть, бросить в него смятой бумажкой, но

разумом я был далеко. В итоге домой я принес две пары и замечание о невнимательности, записанное в дневник красной жирной ручкой.

– По русскому? – недоумевала мама, пока я смотрел в кружку с чаем, – У тебя же четыре-пять по русскому. Откуда двойка?

Я рассказал о сцене, которую застал по дороге в школу, и съехал на то, что был слишком под впечатлением, чтобы обращать внимание на монотонный нудеж Веры Семеновны. К слову, в это мама поверила с натяжкой, или только сделала вид, что поверила, так как подобные происшествия были не редки в нашем городе. В год в Сосногорске случилось до десяти таких перестрелок, и это была не первая расстрелянная машина, которую я успел повстречать. Чаще это были разборки криминального элемента между собой, реже стычки с милицией. Местные авторитеты предпочитали сохранять баланс отношений с властями, и при наличии денег у первых и жажды наживы у вторых, баланс этот был почти непоколебим. Конкретно про тот случай, последствия которого застал я, позже говорили, что милицейский патруль увидел "ниссан", отъезжающий от кабака, и решил проверить водителя на алкоголь. Управлявшие машиной братки, которыми, в свою очередь, управляла выпитая водка, не долго думая, принялись стрелять по ментам, что в итоге и привело к аварии, возгоранию и новым могилам с венками "от братвы".

Этот случай тоже быстро отошел на задний план, и уже

скоро поток моих мыслей вновь был только об одном. Я стал думать, как можно осуществить задуманное, не нажив при этом неприятностей. Чем больше я об этом думал, чем чаще смотрел на машины, представляя их объатыми пламенем, тем тяжелее было настроиться на что-то другое, и к концу недели мама уже начинала на меня злиться за мою рассеянность.

– Перестань витать в облаках! – одернула она меня в сотый раз, когда мы стояли в очереди в гастрономе, – Следи за сестрой. И займи очередь в хлебном отделе, когда откроется касса.

– Да, да, – заверил я, стараясь заставить себя перестать думать об огне хотя бы на пять минут.

– Мам. Мам, – дергала ее Машка за рукав, – Мам, там дядя.

– Какой еще дядя? – повернулась к ней мама.

– Пор-р-рядочный дядя.

Мама проследила за взглядом Машки и заметила Михаила, склонившегося над прилавком с колбасой. Я тоже его заметил и сразу узнал, хоть он и стоял к нам спиной. Получив от продавщицы палку колбасы, он направился было к выходу, мельком скользнув по мне взглядом, но тут же остановился и снова повернулся ко мне, узнав меня. Он приветственно помахал рукой и, заметив уже и маму с Машкой, подошел к нам.

– Кристина Александровна, это вы, – произнес он.

– Добрый день, Михаил, – ответила мама, – Простите, не знаю отчества.

– Федорович, – машинально сказал тот и будто опомнился, – То есть, просто Михаил. Для вас. Ну, то есть, Миша просто. Для вас, – он pokrылся пунцовой краской, – Черт возьми, я мямля.

– Ничего страшного, – мама беззлобно рассмеялась, – Просто Кристина.

Глава 3.

Человек в старой зимней куртке стоял в темном, плохоосвещенном дворе общежития, глядя на одно из окон, в котором недавно погас свет. Декабрь в Сосногорске был малоприятный – после дождей ударили морозы, и дороги представляли собой каток, присыпанный постоянно падающим снегом. Морозный воздух кусался за щеки, периодически обнаруживались тела замерзших насмерть бомжей и алкашей, а старые ботинки нисколько не грели ноги, и уже через пять минут на улице пальцы теряли чувствительность.

Но человека это будто не волновало. Он вынул из кармана руку и почесал горло, нащупав пальцами небольшой шрам. Шрам был нанесен трубкой от шариковой ручки, которую пару лет назад ему пришлось воткнуть себе в горло, чтобы появилась возможность дышать и выбраться из горячей избы.

Человеком этим был Дмитрий Косма, самый близкий друг Максима, известного поджигателя. Дима всегда был осто-

рожным, скрытным и совсем не глупым. Даже после того, как Максима арестовали, никто никогда не говорил, что поджигатель действовал с сообщником. Возможно, в его деле этот пункт был, но сми этот факт не освещало, дело официально закрыли, а его, Косму, никто никогда не искал. Собственно, спрятаться в глубинке, пока в стране творится бардак, было не так уж сложно, но и в этом не было необходимости. Его документы неоднократно проверяла милиция, когда Диму останавливали на улице, и ни разу не возникало никаких проблем.

Не так давно он прибыл в Сосногорск со вполне конкретной целью. Предательство Максима, самого близкого друга, задело Диму, и целью его дальнейшей жизни была месть. Поначалу он хотел попросту покончить с жизнью, столь сильно его задел факт предательства единственного близкого человека. Спасение из горящего дома было скорее инстинктом выживания, нежели осознанным шагом, но до того, чтобы шагнуть вниз с петлей на шее, все-таки не дошло. Дима посчитал, что Максим должен испытать ту же боль, какую причинил ему. Они были друзьями с самого раннего, детдомовского детства, и только потом на какое-то время разделились, когда обоих призвали в армию, и после, во время учебы в институтах. Максим поступил на геологический факультет в Иркутске, а Дима уезжал в Красноярск учиться на инженера-строителя.

На самом деле, Дима всегда подозревал, что рано или

поздно их похождения закончатся тем, что Максима поймают. Дима всегда был очень осторожен, думая на много шагов вперед, и это сработало – осторожность позволила ему выйти незамеченным из одного из самых громких дел в криминальной истории страны. Дима никогда не показывался в кругу, который постепенно образовывался вокруг Максима. Он не был на его свадьбе, не знакомился с детьми и коллегами, а сам Максим не рассказывал никому о Диме. Диме не нравилось, что Максим все больше осваивается в обществе, тогда как он сам не считал себя его частью и презирал окружающих.

Дима хорошо помнил девичью фамилию жены Макса, и когда они покинули Иркутск, он без особого труда нашел семью Скворцовых, состоящую из матери и двух детей. Он даже уже видел их, и мог бы убить их всех, но это было бы слишком просто. Простых вещей Дима не любил. Он любил вести сложную игру, сам себе придумывал испытания и преодолевал их, а убить семью Максима было бы слишком безвкусной мстью предателю. Нет, он задумал глобальный план, требующий огромного количества времени и сил. Дима не сомневался, что однажды Максим выйдет из тюрьмы, и тогда можно будет действовать.

То, что он выйдет, Дима был уверен практически на сто процентов. Максим Делов всегда отличался крепким здоровьем, в детстве почти не болел, в отличие от самого Димы, постоянно страдающего от простуды и орз. Конечно, два-

дцать пять лет в тюрьме здоровья Максиму не прибавят, но то, что он выживет и выйдет, Дима знал. И вот тогда он, наверняка сломленный человек, оболочка от себя прежнего, окажется на воле, Дима и собирался добить его тем, что уничтожит всю его семью.

Пока он просто наблюдал за Кристиной и их детьми, уже в течении полутора месяцев глядя, как они живут. Не так давно, около месяца назад, у бывшей Макса появился новый друг, и Дима не сомневался, что дружба эта приведет к штампу в паспорте. "А что", – размышлял он, – "Баба она молодая, да с двумя спиногрызами, конечно такая мечтает, чтобы рядом был мужик. А учитывая, что в этой сибирской клоаке сплошь синяки, наркологи и быдло, этот полупокер Миша идеально ей подойдет. Только стеснительный он какой-то. Не удивлюсь, если она ему предложение сделает, а не наоборот."

Дима усмехнулся своим мыслям и перевел взгляд от окна в общежитии на белый "опель", принадлежавший Михаилу. Сам же Михаил, собравшись в гости, купил торт, бутылку вина, и отправился на автобусную остановку. Дима даже мысленно похвалил его за это решение, так как ехать на машине в такую погоду было опасно, а последнее, что нужно Кристине, это еще одна трагедия с близким человеком.

Удовлетворившись увиденным, Дима кивнул и зашагал прочь. На этот вечер у него еще были планы раздобыть немного денег, а это почти всегда означало, что придется ко-

го-то убить, что в этом городе было легко. Стоило зарезать кого-то в подворотне и стащить его кошелек, как менты начинали трясти месную шпану и, в конце концов, задерживали какого-нибудь наркомана, который не мог вспомнить, где находился в момент убийства.

– Заходи, как к себе, – пробасил дядя Игорь, впуская нас в квартиру.

На прошлый его день рождения мы приходили впятером: я, мама с Машкой, и тетя Вануш с Аршамом. Теперь с нами был и Михаил Ольховский, с которым мы успели сдружиться за месяц, и который настоял, чтобы мы звали его просто Мишей. Он умел заинтересовать любого слушателя и рассказывал одинаково интересно для всех, начиная от взрослых и заканчивая моей шестилетней сестрой. Оказывается, родом он был отсюда, из Сосногорска, но в семидесятых они всей семьей перебрались в Москву. Миша работал инженером на производстве, отвечал за токарный цех, но производство сократили с развалом строя, и он остался без работы.

– Я пока мыкался по Москве, с подработки на подработку, отцу предложили стать перегонщиком, – рассказывал он, пока супруга дяди Игоря и мама Аршама суетились на кухне, – Матери уже несколько лет, как не было, а то она бы целую лекцию прочитала, как это опасно.

– Потому что опасно, – резонно заметил дядя Игорь.

– Это что за работа такая? – не поняла мама.

– Машины гонять из Европы в Россию, – пояснил Миша, – Из Литвы, из Германии, из Югославии. Там они дешевле. Покупает бизнесмен, допустим, пять машин. "Бмв", там, "вольво", иномарки, в общем. Нанимает водителей, которые едут, машины забирают и гонят в Москву. А в Москве эти иномарки продаются уже по нашим ценам.

– Раньше это спекуляцией называлось, – усмехнулась мама.

– Ну да, а теперь бизнес, – дядя Игорь хохотнул, – У меня сослуживец тоже так работал.

Он потянулся к комоду, с которого взял старую фотографию в рамке, и показал нам. На фото были три моряка в форме, стоявшие на палубе корабля. В одном из них я узнал молодого дядю Игоря, который выдавал себя своей фирменной широченной улыбкой.

– Вот он, Серега Шаповалов, – дядя Игорь постучал пальцем по одному из парней на фото, – Только он в Ленинград гонял. В Питер, то есть. Говорил, бандота на дорогах задолбала. Не дай Бог, машина сломается, и все, и ее отнимут, и ограбят, и повезет, если в живых оставят.

– Вот именно, – согласно кивнул Миша, – Отца эта работа и доконала. Уснул за рулем.

– Насмерть? – сухо спросил дядя Игорь.

– Сто сорок километров в час, – ответил Миша, – Весной похороны, а потом я сюда вернулся. Там, в Москве, его родственники, так они нас с мамой всегда недолюбливали.

Только бабушка нормально относится, а остальные... Да ну их на хрен. Вернулся вот в Сосногорск, тут у меня комната в общежитии, участок старый, да дедовский "опель", – он замолчал и махнул рукой, – Так, у нас праздник все-таки, а мы о грустном. Ты, Игорь, на флоте, значит, служил?

– Северный флот, шестьдесят два – шестьдесят шесть, – отчеканил наш сосед и снова показал на фотографию, – Это кореша мои лучшие. Серый в Питере теперь живет, а это Олежек Демичев, про него мало известно. Вроде в Америку уехал.

– Недурно, – кивнул Миша.

– Ань! – окликнул дядя Игорь супругу, – Водка то уже замерзла, наверное! Уже вечер, а я еще трезвый.

– Вика скоро подойдет, – откликнулась тетя Аня с кухни.

– Это дочь наша. Костик, муж ейный, в Чечне сейчас, – пояснил он Мише и снова крикнул, – Восемь одну не ждут! – он повернулся к нам с Аршамом, – Что, пацаны, начислить вам по сто пятьдесят?

– Я тебе начислю! – воскликнула тетя Аня, вошедшая в гостиную, где был накрыт стол.

Вскоре пришла и Вика, взрослые разлили водку по рюмкам, и Игорь Анатолич, выслушав поздравления, задумчиво произнес:

– Ну, пятьдесят два – не пятьдесят три. Поживем еще, а через годик повторим.

С этими словами он опрокинул рюмку в себя и остальные

сделали то же самое. Никто тогда не догадывался, что через год нам не суждено было собраться на пятьдесят третий день рождения нашего соседа и просто отличного мужика, Игоря Анатолича Михолапа.

Позже, когда застолье подошло к концу, а Машка уже давно спала на диване, и мама и я в очередной раз убедились в том, что Миша – довольно сдержанный и воспитанный человек. Многие, кто таковыми притворяются, становятся собой после того, как выпьют. Развязывается язык, руки, храбрость растет пропорционально тому, как снижается логическое мышление. Однако Миша повел себя так, как вел и до этого, будучи трезвым. Стараясь скрывать свое состояние, он заявил, что ему пора домой, и засобирался.

– Завтра в пол седьмого вставать, – сказал он, выговаривая каждое слово, чтобы не упасть лицом в грязь.

– Ты за рулем, что ли? – спросил его дядя Игорь.

– Не, знал же, куда ехал, – возразил тот, – Да и погода такая. А у меня все сезонка лысая.

– Дрянь эта все сезонка, – заявил сосед, – Ставь нормальную, зимнюю, а то до июня пешком проходишь.

– Та, – Миша махнул рукой, – Там комплект стоит, как вся моя машина. Так что я на автобус.

– Автобусы то уже не ходят, – сказала мама, – Второй час ночи.

– А, ну да, – вспомнил он, – Ну, пешочком дочапаю.

– За мной сейчас подруга заедет, – сказала вышедшая в прихожую Вика, – Можем и тебя подбросить.

– Правда? Спасибо. Если вам удобно, конечно. Общежитие на Пролетарской.

– Это по пути, – заверила его Вика, и Миша успокоился, поняв, что не доставляет никому неудобства.

Неудобство испытывал лишь я, но никто из присутствующих не имел к этому отношения. Я знал, что завтра после школы я просто обязан выплеснуть накопившуюся энергию и развести большой костер на пустыре, иначе, судя по ощущениям, я в любую минуту мог самовозгореться изнутри. Нет, конечно, ничего такого не случилось бы, но это чувство, этот недостаток огня был очень дискомфортным. Все равно, что сидеть на раскаленных углях. К тому же, мне, как и любому десятилетнему подростку, хотелось делиться с кем-то проблемами, а этой проблемой я не мог поделиться даже с мамой. Я знал, что это ее расстроит, и мне приходилось держать все в себе. Гораздо позже я научился жить с этим, а тогда, в девяносто пятом году, мне казалось, что я, верно, начинаю сходить с ума.

На следующий день после школы мы стояли на широком пустыре, находящемся в отдалении от центра города, и собирали всякий хлам, из которого можно развести костер. Колька с Аршамом с радостью мне помогали, ибо какому пятикласснику не хочется разжечь костер. Но лишь для меня одного это было нечто священное, необходимое. Нечто, без че-

го и так не самая лучшая жизнь становилась намного тяжелее.

Вскоре перед нами высилась пирамидка из обломков старой мебели и строительного мусора, и я уже сунул руку в карман за спичками, как вдалеке на пустыре появился свет фар, и мы машинально спрятались за выстроенную нами пирамиду. На пустыре появилась "девятка", которая проползла по ровной снежной поверхности и остановилась метрах в ста от нас. Из нее вышли двое, и мы, едва завидев их, несказанно обрадовались тому, что уже стемнело, и нас самих не видно. Приехавшие на пустырь люди открыли багажник и вытащили оттуда человека со связанными за спиной руками. Судя по мычащим звукам, доносящимся до нас, у бедолаги был кляп во рту, и он что-то отчаянно пытался сказать своим учителям.

Парни обменялись какими-то репликами, заржали, после чего один из них ударил связанного в живот, отчего тот сразу сложился в три погибели. То, что он не жилец, было понятно сразу – бедолага был одет в костюм с галстуком, а на улице было примерно минус пятнадцать. Те, кто его привезли, были одеты теплее, один в джинсовый костюм, другой в китайские "аидасы" и дермантиновую куртку, но все равно, что один, что другой, кутались в воротники и приплясывали от холода. Связанного подняли, толкнули вперед, а один из бандитов взял из багажника лопату, и оба зашагали следом за ковыляющим мужичком.

Мы переглянулись, посмотрев друг на друга полными испуга глазами и, не сговариваясь, покрались следом. Я отлично понимал, что самым умным в той ситуации было бы убежать с пустыря, пока эти два отморозка нас не заметили, но любопытство в нас троих оказалось гораздо сильнее страха. Бандиты же с пленником дошагали до высокого кустарника на краю пустыря и скрылись в нем. Через минуту там были и мы, стараясь дышать как можно тише, чтобы не отправиться следом за бедолагой-коммерсантом, доживающим свои последние минуты.

Кустарник скрывал в себе низину, куда бандиты спустились, сочтя это место подходящим для последнего пристанища. Теперь мы были достаточно близко, чтобы слышать их разговор, чему располагала и полная тишина, нарушаемая лишь грохотом товарного состава на перегоне в двух километрах от нас. Один из бандитов светил маленьким карманным фонариком, направляя луч в лицо связанному, а второй заставил его рухнуть на колени.

– Погодь, он чет балабонить хочет, – произнес один из них вальяжным, блатным тоном, и вынул у связанного изо рта кляп.

– Мужики! Мужики! – тут же затараторил тот, – Погодите! Я все достану!

– Слышь, мужики в поле пашут, козел! – ответил второй бандит, в руках которого была лопата, и пнул связанного ногой.

– Братаны! Не надо! Я верну все! – не унимался тот.

– Тебя Цепеш предупреждал не крысить? А ты за черта последнего его держать вздумал. Братанов нашел, нах, – процедил первый и, вытащив из-за пазухи пистолет, щелкнул заговором, – Уроком будешь для остальных, таких же ушлепков, как ты.

Он вскинул пистолет и выстрелил связанному в голову. Мы одновременно вздрогнули от неожиданно громкого выстрела, и я почувствовал, как волна мурашек пробежала от пяток до самой макушки, заставив волосы шевелиться. Второй бандит прочистил ухо, которое ему, видимо, заложило, и недовольно посмотрел на первого.

– Мля, ну ты и мудака, Валера, – выругался он.

– Че? – недовольно переспросил тот, – Ты с ним перетереть еще хотел?

– Перех..еть, придурок, – он сунул своему товарищу лопату, – На, теперь сам и копай, деятель.

Тот, поняв, что сглупил, выматерился от души и пнул труп носком кроссовка.

– Слышь, может снегом закидаем, да и ну его на хер? – с надеждой спросил он.

– Сказано, шоб не нашли, – возразил первый, – А ты подснежник сажать предлагаешь.

Первый, выдав очередную матерную тираду, принялся долбить лопатой мерзлую землю, а второй зашагал в нашу сторону, на ходу расстегивая ширинку. Я дернул сидящего

рядом Аршам за куртку, а он потянул за собой Колю, и мы, стараясь не шуметь, выбрались из кустов, и припустились бежать обратно к нашей пирамидке. Сердце от волнения колотилось так, что в ушах стоял постоянный гул, а собственное дыхание слышалось будто через трубу.

Вскоре мы добрались до кучи мусора и рухнули в снег, переводя дыхание. Всех троих трясло от избытка адреналина, и около минуты мы молча переводили дух. Первым заговорил Коля, озвучив общую мысль, терзавшую нас троих:

– Что будем делать?

– Валить отсюда надо, – ответил Аршам и я согласно кивнул.

– Надо, – сказал я, подбирая с земли палку.

Честно сказать, в тот момент я не совсем соображал, что делаю, и исходил лишь из одной мысли, что это мой единственный шанс. Намотав на конец палки какую-то тряпку, что валялась здесь, я поднялся и зашагал в сторону "девятки", дожидавшейся своих хозяев.

– Ты че, Витек? – недоуменно спросил Коля.

– Щас, щас свалим, – заверил я, не сбавляя шаг.

– Во балда, – пробормотал Аршам, до которого дошло, что я задумал, – Ты че, нафига?

Коля тоже догадался, что сейчас произойдет, и взбежал на небольшой холмик, с которого был виден край пустыря и кустарник.

– Давай быстрее, пока никого, – стараясь не кричать, про-

изнес он.

Я открыл лючек бензобака и свинтил крышку, которая оказалась незапертой, словно очередное подтверждение тому, что сейчас мой лучший шанс накормить жаждущего огня зверя, сидящего во мне. Конец палки с намотанной тряпкой нырнул в бензобак и вынырнул обратно, распространяя запах бензина.

– Смотри, брови не подпали, – предостерег Аршам.

Я сунул ему коробок спичек, и он, чиркнув, зажег пропитанную бензином тряпку. Импровизированный факел тут же вспыхнул, заставив Аршаму отдернуть руку, а я, повернувшись к открытому бензобаку, сунул факел туда, и мы бросились бежать. Бак рванул едва ли не через секунду после того, как я заткнул его горячей тряпкой, и нам сильно повезло, что мы успели немного отбежать. Взрыв был не громкий, скорее гулкий, и взрывная волна разметала снег вокруг машины, догнав нас в спины горячим дыханием.

Я обернулся, дабы оценить результат своего труда, и снова было застыл, как вкопанный, испытывая при этом дикую эйфорию, благодаря которой, я, казалось, могу воспарить над землей.

– Э, нет, не тормози, – Аршам подтолкнул меня в спину, вынуждая бежать дальше, и я вновь заработал ногами, расшвыривая снег.

Конечно, я бы с удовольствием остался до конца, пока не погаснет последний тлеющий уголек, но хозяева машины,

которые, наверное, уже возвращались, не разделили бы мой восторг. Добежав до другого края пустыря, мы снова обернулись, глядя на оранжевое зарево, и разом выдохнули.

– Круто! – выпалил Коля, – Ну мы безбашенные.

Полученный адреналин явно доставлял ему удовольствие, и Коля откровенно наслаждался, не в силах стоять на месте. Он подпрыгивал, приплясывал, пока Аршам озирался по сторонам.

– Я ж сегодня не усну, – сказал он, в очередной раз глубоко вздохнув и выдохнув, и не сдержал смех.

В отличие от друзей, адреналин в которых хлестал через край, я чувствовал спокойствие и умиротворение, будто последние несколько часов созерцал красоту водопада, как те буддийские монахи-кунгфуисты, фильмы про которых мы смотрели по видику.

– Дома никому ни слова, – предостерег я друзей.

– И вообще, никому ни слова, – подхватил Аршам, – Серьезно, никаких рассказов в школе, или где-то еще. Будет нашей общей тайной.

– Да мы и про сарай не трепали, – пожал плечами Коля, – Ладно, погнали по домам, уже скоро девять.

Дома, когда мама спросила, как прошел мой день, я на секунду задумался, что действительно есть моменты, когда правда только навредит. "Ну, меньше часа назад мы стали свидетелями убийства, а потом сожгли машину местных бандитов, чтобы я мог утолить свою жажду, доставшуюся мне

от отца – маньяка-поджигателя."

– Хорошо, – ответил я, – Прогулялись с пацанами вокруг квартала.

– Ужинать готов? – спросила мама, и только теперь я почувствовал, с какой страшной силой бунтует мой желудок, требуя двойную порцию.

Позже, едва я добрался до кровати, как уснул прежде, чем голова коснулась подушки.

Глава 4.

Время шло, и вскоре после того, как мы подожгли "девятку" на пустыре, ко мне вернулся страх превратиться в моего отца. К тому же, я не знал, как будет дальше развиваться моя мания поджигать. Будет ли она похожа на наркозависимость, и раз после сарая мне хотелось спалить машину, то значит ли это, что в следующий раз мне захочется поджечь дом? Но ничего такого не было, и почти весь следующий месяц тяга к огню внутри меня сидела спокойно, и особо не рвалась наружу.

Наступил новый, девяносто шестой год, и Миша, несмотря на протесты мамы, накопил нам с сестрой подарков. Можно долго описывать ликование подростка середины девяностых, который нашел под елкой "денди", да и Машка была довольна, таскаясь по квартире с огромным плюшевым жирафом.

– Ты с ума сошел, – сказала мама, когда он протянул ей коробку с часами "радо".

– За декабрь премия неплохая, – скромно ответил Миша, который работал механиком в железнодорожном депо.

– Лучше бы оставил, чем на подарки тратить, – мама все еще переживала из-за дорогих покупок.

– Один раз уже оставляли, всей страной, – усмехнулся Миша, – Помнишь, чем закончилось?

Я был рад, что осенью прошлого года мама потеряла паспорт, и это привело к знакомству с Мишей. Не потому, что он был щедрым и дарил подарки, просто я был рад за маму, которую история с отцом серьезно выбила из колеи. В десять лет мало соображаешь о человеческих отношениях, да и сравнивать я мог разве что с героями фильмов и книг, которые, допустим, тяжело переживают измену. Но измена – это ничто по сравнению с нашим случаем, а теперь я не мог не замечать, что мама вновь становилась прежней, веселой и жизнерадостной, какой она была до случившегося в девятносто четвертом.

Машка все чувствовала несколько иначе, так как отца она почти не помнила. Будучи капризной по отношению к большинству взрослых, Мишу она стала подпускать к себе почти сразу. Своих детей у него не было, но он вел себя ненавязчиво, чем ей и нравился. Многие взрослые, видя мою сестру, начинали сюсюкать и улюлюкать, что всегда вызывало у нее отвращение, особенно, когда вдобавок к умиленным звукам шли пальцы, норовящие потрепать ее за щеки. Миша же общался с ней самым обыкновенным образом, не меняя голос,

и не коверкая слова на дебильные "покушанькать", "спатки" и прочую мерзость.

Со мной он тоже старался сдружиться, чему я, в общем-то, не противился. Когда обледенение на дорогах спало, он стал возить меня на старую загородную трассу, где учил водить, и к весне я уже умел управлять автомобилем, сидя на краю кресла, чтобы доставать до педалей. За зиму моя тяга к огню еще несколько раз проявляла себя, и результатом ее стали несколько больших костров на свалке и найденный там же разбитый автомобиль, благополучно мною сожженный. В последний раз я сполна насладился огненным шоу и еще на какое-то время утолил жажду огня. На пустырь мы долгое время не ходили, опасаясь, что бандиты будут нас поджидать, но о них мы больше ничего не слышали.

К слову, Миша довольно быстро заметил за мной странную тягу жечь спички и любовь к кострам, и однажды я рассказал ему все, как есть. Мы тогда возвращались из депо, куда он меня иногда брал за компанию, и Миша, заметив, как я убираю в карман коробок спичек, сказал:

– Я не мог не заметить, что ты любишь играть со спичками.

– Да я аккуратно, – заверил я.

– Очень надеюсь. От твоей одежды часто пахнет дымом, а милиция ищет хулиганов, которые жгут хлам на свалке.

Меня будто окатило жаркой волной, и я с испугом взглянул на Мишу. Он же в ответ улыбнулся, показывая, что не

собирается читать нотации.

– Не волнуйся, – успокоил он меня, – Я в детстве тоже дома не сидел.

– Маме не говори тогда, – попросил я.

– И не собирался, – ответил Миша, – Но одежду то стирает она, и дым учуяла тоже она. Сигаретами не балуешься?

– Не-а, – я помотал головой, – Так, фигню всякую жгем.

– Мы в детстве тоже так делали. Но ты постоянно со спичками ходишь, жгешь их. И видно по тебе, что тебе это очень нравится.

– Ну да, нравится, – я задумался, – Нравится и пугает.

– Это вроде мании? – спросил Миша.

Я кивнул, соглашаясь, и теперь задумался он.

– А почему так, не знаешь? С мамой об этом не говорил?

– Не знаю, – машинально ответил я, поскольку быть скрытным мне уже становилось привычно, и делать это было легче, чем делиться.

Миша не ответил, только смотрел на дорогу, а я снова почувствовал желание выплеснуть все, что меня гложет. Подростковая психика еще не позволяла мне сбрасывать наболевшее в темный омут и семь дней в неделю носить маску притворства для остальных, и я решил рассказать ему все.

– Ты ведь не знаешь, кто мой отец? – спросил я его.

– Нет, – ответил Миша, – Кристина не говорила, а я не стал расспрашивать.

– Он..., – я сделал вынужденную паузу, поскольку ни разу

никому этого не говорил, – Его зовут Максим Делов.

– Оу, – произнес он, – Ясно. Так при чем он тут?

– Ты не знаешь, кто это? – я слегка удивился его реакции.

– Ну, теперь, когда ты так спросил, имя кажется знакомым, – Миша пожал плечами, – Так что с ним?

– Июнь девяносто четвертого, – стал напоминать я, – Вспомни новости.

– Боснийские конфликты, – он сморщил брови, вспоминая, – Аум синрике.

Тут он вдруг вытянул шею от удивления, свернул на обочину и остановился, глядя на меня.

– Поджигатель? Максим Делов?

Миша, казалось, испытывал шок, и я не придумал ничего иного, как развести руки в стороны, не зная, что сказать.

– Что ж, это многое объясняет, – произнес он наконец, и я приготовился увидеть разочарование в его глазах.

Однако ничего такого в его взгляде я не увидел. Напротив, это было, скорее, понимание. Понимание и заинтересованность.

– Послушай, – заговорил он, – То, что твой отец был... тем, кем он был, еще не значит, что тебе суждено повторить его судьбу. Скажи, что ты думаешь о человеческой жизни?

Вопрос был сложным для подростка, и тогда я впервые задумался над этим в таком контексте.

– Люди ее берегут, – наконец ответил я, – Значит, это большая ценность.

– Так, – кивнул он, – А как ты относишься к чужой жизни?

– Обычно, – я пожал плечами.

– Тебе не кажется, что ты должен выбирать, кто заслуживает жить больше, а кто не заслуживает вовсе? – спросил Миша.

– Нет, – честно сказал я, – Мне нет дела до остальных людей. Меня заботят только близкие.

– Вот видишь, – Миша потрепал меня за плечо, – Ты мыслишь в правильном направлении. В тебе есть моральный стержень, и ты растешь совершенно адекватным человеком.

Сказать честно, я мечтал услышать что-то подобное, и после этих слов мне стало удивительно легко. Будто огромный камень, который я тащил на спине, вдруг перестал весить, и идти дальше стало очень легко и комфортно.

– Смотри на свою любовь к огню, как на хобби, – посоветовал он, – Не обязательно жечь то, за что можно огрести неприятностей. Можно сжигать, к примеру, мусор. И делать это там, где разрешено. Из практически любой мании можно сделать безвредное, а то и полезное хобби. И я тебе с этим помогу.

– Спасибо, – сказал я, переосмысливая услышанное.

Пообещав, что будет помогать, Миша не просто так бросался пустыми словами. Вскоре он принес стопку журналов по пожарной безопасности, объяснив это тем, что с моим увлечением я должен быть готов к последствиям вроде распространяющегося пламени и угрозы пожара. Журналы бы-

ли разные: более-менее новые, несколько старых, советских, один аж семьдесят девятого года, и даже британский "файр", в котором было много фотографий и непонятного мне текста на английском.

Читать эти журналы мне нравилось, и уже скоро я знал много разных нюансов про пожары, обратную тягу, легко-воспламеняющиеся и огнеупорные поверхности и прочие детали, которые действительно могли помочь в случае чего. На мое одиннадцатилетие, четвертого мая, Миша устроил нам экскурсию в пожарную часть, где один из пожарных рассказал нам о своей работе, устройстве оборудования, и даже пустил посидеть в кабине пожарного "зила".

Было бы довольно иронично, если бы я, со своей особенностью, стал бы работать пожарным, когда вырасту, но в тот момент я совсем не вспоминал о той своей сущности. Возможность разжечь свой следующий костер мне предоставилась спустя пару недель. Мы запланировали поездку на Байкал, которую я очень ждал, и чувствовал приятное предвкушение, когда таскал необходимые для отдыха на природе вещи в багажник Мишиного "опеля".

На берегу озера мы поставили палатку, и пока мама занималась нанизыванием шашлыков на шампура, я развел чудовищных размеров костер, не стесняясь перестараться. Однако от меня не ускользнул и тот нюанс, что мама смотрела на мои действия спокойно и без страха. Видимо, они с Мишей обсудили мою проблему и пришли к какому-то выводу,

который успокоил их обоих.

– Как настроение? – спросил меня Миша, когда мы сидели с дочками у кромки воды.

Я понял, что он имеет в виду мое общее состояние, которое менялось в зависимости от моего персонального наркотика, и ответил:

– Отлично. В неприятности не влипаю.

– Вот и хорошо, – кивнул он и посмотрел вдаль, – Запоминай такие моменты, как этот. Именно на них строится человеческое счастье.

Я тоже посмотрел вдаль и увидел двух охотников, уходящих в лес с ружьями за спиной.

– А ты когда-нибудь охотился? – спросил я Мишу.

– Не-а. Не мое это, – он покачал головой, – Я когда чуть постарше тебя был, от браконьеров пострадал.

– Это как? – спросил я.

Миша снял ботинок с левой ноги, стянул носок, и я посмотрел на его ногу. Мизинец у него был вдвое короче, чем должен быть, и Миша пояснил:

– Гуляли по лесу, и я в капкан наступил. Медвежий, с такими здоровыми зубьями. Вот мне этим зубцом полпальца и отчекрыжило.

Собственно, ту поездку на Байкал я действительно запомнил хорошо, но лишь отчасти потому, что мы отлично провели время. Главным образом запомнить те дни меня заставило то, что случилось по возвращению домой, и это ни-

как не вяжется с человеческим счастьем, про которое говорил Миша. Нет, последующие события развили во мне сильное разочарование в людях и полностью уничтожили веру в справедливость, которая на тот момент была еще по-детски наивная и прочная.

Глава 5.

Когда мы возвращались в Сосногорск, Миша развлекал нас разговорами, заведя одну из своих любимых тем – далекий и прекрасный остров Куба. Он часто говорил про Кубу, оказаться на которой было его мечтой с самого детства. Миша даже учил испанский язык в институте, а на стене в нашей гостиной красовался красивый плакат с изображением песчанного пляжа с пальмами, лазурного океана, и надписью "Bienvenido a Cuba – cielo en la tierra". "Добро пожаловать на Кубу – рай на Земле" – призывно гласил плакат, и Миша подкреплял эту фразу сотнями историй и фактов, которые слышал о Кубе.

– К нам еще в школе приходил один бывший вояка, рассказывал, как они были на Кубе, – говорил Миша, – Ну это, оплоты коммунизма несли, американцев ракетами пугали. Конечно, на коммунистов с их ракетами мне глубоко плевать, но сама страна меня заинтересовала.

– Раньше много про них рассказывали, еще в мое детство, – вспомнила мама, – Наш товарищ Кастро, счастливые кубинцы, которые коммунизм строят, и все в таком духе.

– Насчет строительства, это, конечно, типичное вранье

большевиков. Кубинцы от этого коммунизма огромными толпами в Америку бежали. Но условия там совсем другие, с нами не сравнить. Во-первых, климат. Вечное лето, солнце, океан. Я общался с одним мужиком с Выборга, он на сухогрузе работает. Вот он рассказывал, как там и что. Вояк то наших дальше военных баз не пускали, а он в Гаване жил. Недолго правда, но все же.

– В Москву бы переехать, а потом уж о Кубе мечтать, – спустила его мама на Землю.

– Только не к родственникам моим, – усмехнулся Миша, – Проще сразу застрелиться.

– Бабушка то нормальная у тебя, – вспомнила мама.

– А остальные – тихий ужас. Дядя Семен с тетей Полей – дети ее, мои дядя с тетей – хуже них людей не встречал. Не скрывают, что ждут, пока она помрет, наконец. Квартира в Москве ей принадлежит, а квартира хорошая, четыре комнаты. В Раменках.

– Не кисло, – удивилась мама, – Бабка челночница?

– В точку, – кивнул Миша, – В молодости рисковая тетка была. Дети знают, что наследство там весомое, готовы глотки драть друг другу. Батя мой младшим был из них, они его быстро из семьи выжили, чтобы не делиться. Даже на похороны кроме бабушки никто не явился.

– Ну что за люди, – покачала головой мама.

Какое-то время ехали молча, и когда "опель" уже подъезжал к нашему двору, тишину нарушила Машка, проспавшая

большую часть дороги.

– Там дядя Игорь! – воскликнула она, показывая на молоковоз, идущий впереди.

– Дядя Игорь, Маша, – строго поправила мама, – Сколько говорить, старайся.

– Дядя Игор-р-рь! – в своей манере протянула сестра.

Миша догнал молоковоз, пристроившись позади, и хотел было что-то спросить у мамы, как грузовик вдруг резко ударил по тормозам. Миша крутанул руль вправо, уходя от удара, и вылетел на тротуар, сразу увязнув в грязном слякотном сугробе.

– Все целы? – спросил он, едва машина прекратила движение.

Все были целы и относительно в норме, только Машка испуганно озиралась по сторонам. Отсюда, с тротуара, стала видна причина столь резкой остановки молоковоза: со двора выезжал старый черный "мерседес" с типичными представителями блатного слоя населения внутри, и "газон" дяди Игоря едва не врезался в них, так как посмотреть по сторонам, прежде чем выезжать на дорогу, водитель "мерседеса" не удосужился.

Трое братков повыскакивали из машины, правда прыть их несколько поубавилась, когда соразмерный медведю Игорь Анатолич спрыгнул из кабины на землю. Поначалу они, скорее всего, собирались без лишних слов наброситься на него, однако теперь просто окружили, а один из них осматривал

свой бампер, хоть столкновения и не было.

– Ты ох..ел, дядя?! – заорал один из них.

– Я? – дядя Игорь был как всегда невозмутим, – А тебе голову повернуть, влево посмотреть, когда со двора выезжаешь, религия не позволяет?

– Слышь! Еще я чуханов всяких не пропускал вперед себя. Ты ножа захотел, или че, я хер пойму?

Тот, который осматривал бампер, тоже повернулся к остальным, почесывая бритый затылок, и гнусаво произнес:

– Короче, сто штук и разбегаемся.

– Не было удара, – возразил дядя Игорь, – Ищи другого лоха, за чей счет ты свою некропомойку починить хочешь.

– Да лоха то я нашел, вот он стоит, – гоготнул водитель "мерса".

К компании подошел Миша, поздоровавшись с соседом за руку.

– Гаи вызывайте, парни, если что-то не нравится, – сказал он, – Я подтвердить могу, что аварии не было.

– Ты адвокат его чоль, в натуре?! – повернулся к нему водитель, – Канай отсюда на, терпила.

Третий бандит, который все это время молчал, шагнул к кабине, и бесцеремонно полез внутрь.

– Ты это куда, сынок! – воскликнул Игорь Анатолич и, схватив наглеца за шиворот, сбросил его с подножки на дорогу.

– Ну ты че, сука! – взревел водитель и бросился на дядю

Игоря, однако тут же отскочил назад, получив удар ногой в солнечное сплетение.

Второй бандит, низкорослый и щуплый, казалось, был только рад такому развитию событий. В руке у него сверкнул нож, а на лице заиграла улыбка.

– Пи..да тебе, дядя, – процедил он и начал размахивать ножом, стараясь достать до лица нашего соседа.

Тот пару раз увернулся и, выбрав момент, боковым ударом кулака заехал бандиту в лицо. Пудовый кулачище дяди Игоря угодил щуплому прямо в висок, и тот рухнул на спину, распластавшись по асфальту.

– Даже не пытайся! – рывкнул Игорь Анатолич тому, кого он сбросил с кабины, глядя, как тот уже поднялся на ноги.

– Игорь, – тихо позвал его Миша и показал на лежащего щуплого.

Из уха у щуплого потекла тоненькая струйка крови, а сам он как-то мелко затрясся, будто в приступе эпилепсии. Миша и Игорь переглянулись, а тремор у лежащего на земле бандита заметно усилился, к тому же изо рта у него пошла пена.

– Э, Илюха, – со страхом в голосе окликнул его водитель "мерседеса", – Братан, ты че? Не гони беса, ты че!

На улице показался патрульный "уаз", на крыше которого тут же зажглась люстра. Он остановился возле нас и из него вышли двое патрульных. То, что происходило дальше, слилось в какую-то малообъяснимую кашу, в которую я верить

отказывался.

Приехал еще один экипаж ппс и "скорая", врач которой констатировал смерть лежащего на земле бандита, уже застывшего с полуоткрытыми глазами. Его друзья орали на дядю Игоря, обещая ему самую страшную месть, один из них, вырываясь, ударил милицейского сержанта, и в итоге их обоих погрузили в "уаз". На дядю Игоря тоже надели наручники и посадили его в другой "уаз", после чего всех их увезли в отделение. Мишу тоже попросили явиться, как свидетеля, и он, отогнав грузовик соседа во двор, уехал вместе с тетей Аней.

Вернулся Миша поздно вечером, и судя по его настроению, хороших новостей он не принес. Он выглядел усталым, и скинув обувь, прошаркал на кухню и рухнул на стул.

– Ну что? – настороженно спросила мама.

– Жопа, – коротко отрезал Миша.

– Самооборона же! – воскликнула мама, – При свидетелях!

– Опер сразу сказал, что будут шить превышение самообороны. Говорит, если бы тот не помер, то и дела бы не было. А теперь, говорит, убийство, как ни крути.

– Что же ему, уговаривать их надо было? – мама всплеснула руками, – Их трое, этот с ножом был, какое превышение?

– Да всем там плевать. Гопоту эту уже выпустили, кстати.

Они еще какое-то время сидели на кухне, а я стоял в коридоре, слушал и недоумевал. Мне казалось непостижимым

и аморальным, что человека судят за то, что тот спасал свою жизнь. Эти факты рушили и втаптывали в грязь мою веру в добро, которое всегда сильнее зла, в то, что справедливость торжествует, и прочую, как оказалось, чушь, которой нас учили с детства.

Через пару месяцев состоялся суд, и дядю Игоря приговорили к году исправительной колонии. Обвинение просило шесть лет, что возмутило всех присутствующих со стороны Игоря Анатольевича. "– Шесть лет?" – услышал я голос его зятя Кости, несколько дней назад вернувшегося из Чечни, – "Они его за кого держат, за разбойника?". Однако наличие у нападавших холодного оружия и их численного превосходства все же не позволяло выставить гражданина Михолапа воплощением абсолютного зла, которому не место на свободе. Встречный иск о нападении был отклонен, и наверное тогда я впервые в жизни испытал самые настоящие презрение и ненависть, которая разыгралась во мне к тем ублюдкам на "мерседесе". До сих пор помню ехидные улыбки бритых наголо отморожков, которым все сошло с рук. Они прямо в зале суда хлопали друг друга по плечам, гыгыкая, и принимали поздравления от своего дорогостоящего адвоката, который в пух и прах разнес позицию вчерашнего студента, адвоката дяди Игоря.

Но больше всего жалко было тетю Аню, его жену. Мягкая и добрая женщина с грудным голосом, которая на моей памяти ни разу не кричала и не злилась, она тяжело пе-

реживала случившееся и старела буквально на глазах. Все накопленные ими сбережения ушли на судебные издержки, сама она переехала к дочери с зятем, которые забрали ее к себе. Теперь единственным напоминанием о наших соседях остался лишь старенький молоковоз "газ", на лобовом стекле которого ветер трепал объявление о продаже.

Ночью того же дня, когда весь дом уже спал, я тихо оделся, надел рюкзак с необходимыми вещами и выскользнул в окно. Четвертый этаж меня не пугал, как и не пугали возможные последствия задуманного мной. Я просто не думал об этом, так как это значило для меня поиск причин отказаться от затеи. А отказываться я не собирался, во мне горело желание действовать, чтобы хоть как-то изменить ситуацию. Перестав верить в справедливость абсолютную, я искал примитивные способы ее достижения, и мне это казалось единственным верным решением. Спустившись по ливневой трубе в темный двор, в котором не было ни одного рабочего фонаря, я побежал в сторону гаражей и уже вскоре стоял перед молоковозом. В кармане лежал неизменный коробок спичек, о наличии которого я всегда заботился, как диабетик об инсулине, а в руках я держал десятилитровую канистру и резиновый шланг, найденные среди гаражей.

"Чертов пацан точно пошел в папашу," – думал Дмитрий Косма, украдкой наблюдая, как сын Максима, отплеываясь, сливает бензин из грузовика в канистру. Дима периодически

наблюдал за ним и каждый раз убеждался в своих выводах. "Конечно, многие мелкие лоботрясы любят побаловаться со спичками, но этот..." – размышлял он, – "Большинство его сверстников играют в футбол, разглядывают плакаты с голыми бабами, пробуют первые сигареты за школьным сортиром... Но не Виктор. Его день будет потерян, если он что-нибудь не сожжет." Дима видел горящую "девятку" на пустыре, и это его несколько озадачило. "Такими темпами пацан не доживет до своего следующего дня рождения," – думал он, глядя на легкомыслие парня, когда дело доходило до пиромании. А теперь им еще, похоже, двигало чувство мести, что тоже грозило кончиться для него весьма плачевно.

Дима шагнул за гараж, чтобы пацан его не заметил, и продолжил наблюдать. Тот доверху заполнил канистру, завернул ее в целлофановый пакет и сунул в рюкзак. В этот момент из рюкзака послышалось звяканье пустых бутылок, и худшие опасения Димы подтвердились. Можно было даже не следить за ним, так как то, куда он пойдет со своим рюкзаком, было ясно как день.

В Сосногорске было не так уж и много заведений, предназначенных для отдыха, а поскольку город был маленький, то каждому было известно, где какие круги вращаются. Например, был ресторан "Байкал", в котором собирались богатейшие жители города – читай криминальные авторитеты и городская администрация. Обычный работяга с зарплатой в триста тысяч рублей не мог себе позволить этот ресторан,

на стоянке которого не стояло ни одной иномарки дешевле двадцати тысяч условных единиц. Обычные люди ходили в столовую возле автовокзала, где за приемлимую сумму можно было заказать тарелку пельменей и стопарь водки. В столовой, в основном, крутился местный средний класс – строители, железнодорожники, водилы и прочие работяги.

Но самым значным местом в городе являлся кабак, хозяина которого выдавало отсутствие фантазии, если судить по вывеске "Кабачок" над входом. Это было средоточие сосногорского бандитизма, и в "Кабачке" каждую неделю случались драки, поножовщина, пьяная стрельба в воздух или по бутылкам, а для ментов это был самый популярный источник "палок" в журнал, если к концу месяца процент задержаний не достигал нормы. Помимо местных бандитов, в городе хватало приезжего криминального элемента из соседней Монголии, и глава их группировки, Тархан Санжеев по кличке Хан, был в постоянных контрах с местным бандитским авторитетом Владиславом Цехаловецким, получившим прозвище Цепеш не только за созвучное имя, но и за методы взаимодействия с недругами. И "цеховцы" и монголы посещали "Кабачок", что довольно часто оканчивалось разборками между двумя группировками и лишний раз подтверждало репутацию заведения, как филиала ада на Земле.

Именно туда направлялся одиннадцатилетний Виктор, шагающий по внутренней части тротуара, чтобы не попадать в свет редких уличных фонарей. Услышать кабак можно бы-

ло еще до того, как он попадал в поле зрения – громкий галдеж, блатная музыка, а иногда и фейерверк в честь чьего-нибудь дня рождения, или выхода из мест заключения. В "Кабачке" и сейчас царила атмосфера веселья и пьяного угара, и Дима, оббежав заведение с тыльной стороны, стал наблюдать за действиями мальчишки.

Тот натянул на голову карнавальную маску в виде черепа и обошел здание, оказавшись на заставленной машинами парковке. Там парень заглянул в одно из окон и Дима повторил за ним. Внутри было около двадцати человек, как местных, так и монголов. И те и другие демонстративно игнорировали друг друга, держась в своих компаниях, но пацан, кажется, смотрел на одну конкретную. За дальним столиком, помимо нескольких бритых затылков, сидел немолодой человек в костюме с галстуком, который цедил рюмку водки, пока остальные опрокидывали стопки целиком. Это был адвокат бандитов, его Дима видел возле здания суда, и судя по озлобленному взгляду Виктора, к нему пацан испытывал особую неприязнь.

Виктор же оторвался от окна и, присев у стены, снял рюкзак и стал вытаскивать из него содержимое. Помимо канистры с бензином на свет появились две стеклянные бутылки, обрывки тряпок и металлическая воронка. С помощью нее пацан налил бензин в обе бутылки, потом подошел к старому черному "мерседесу", и принялся обливать его. Закончив, Виктор сделал бензиновую дорожку от машины до кабака,

разбрызгал остатки бензина по стене и снова убрал канистру в рюкзак.

– Мелкий идиот, – тихо процедил Дима, глядя на него.

По своей натуре спокойный и уравновешенный, он не любил, когда что-то выводит его из равновесия, но глядя на действия пацана, Дима ощутил волнение. Весь его долгосрочный план мог рухнуть из-за недалёковидной выходки этого малолетнего кретина, с его желанием отомстить бандитам. Те быки, конечно, не отличались умом, но сложить два и два смогут. Днём суд разрешился в их пользу, а вечером кто-то сжигает их машину. Первым, кого они заподозрят, наверняка будет Костя, зять осужденного. Тот только вернулся с войны, и кто знает, насколько он здоров в психическом плане. А от него цепочка может привести и к Вите, и тогда пострадает вся семья, а это не тот исход событий, который устраивал Диму. "Страдать они будут от моих рук, и нужно мальчишку остановить", – подумал он и выскочил на стоянку. В этот момент одна зажженная бутылка с громким хлопком разбилась об "мерседес" и черный кузов тут же объяло пламя.

– Эй! – рявкнул кто-то позади меня, когда я целился в серую "тойоту", судя по номерам, приехавшую из монгольского Сухэ-Батора.

Я чуть не выронил бутылку под ноги, грозя превратить себя в горящий факел. Позади меня стоял какой-то человек в

балаклаве, как у спецназовцев, и его неожиданное появление едва не стоило мне еще одного машинального действия. Я вовремя спохватился, чтобы не швырнуть бутылку в него, а он застыл, глядя на меня. Нужно было уносить ноги, я это понимал, а человек этот, видимо, готовился броситься мне наперерез. Надо было обескуражить его, сделать что-то, чего он не ждет, вот только что?..

– А-а-а!!! – заорал я не своим голосом и, замахнувшись, швырнул бутылку в стоящий неподалеку "бмв".

Человек дернулся на месте, а я рванул в сторону дороги, перескочил через невысокую ограду и побежал прочь. Бежал я долго, без оглядки, и остановился, лишь когда оказался в другой части города. Шумный кабак остался далеко позади, а вокруг не было ни души. Отдышавшись, я поправил рюкзак и поспешил в сторону дома, надеясь, что моего отсутствия никто не заметил.

Оказавшись во дворе, я спрятал канистру между двумя гаражами, где и нашел ее до этого, и зашел в подъезд. Попасть в квартиру через дверь было нельзя, так как она запиралась изнутри, но все это я предусмотрел заранее и у двери даже не остановился. Мой путь лежал на крышу, и вскоре я стоял у ее края, глядя вниз, на темный двор. Стараясь не думать, чем может обернуться подобное трюкачество, я свесил ноги вниз и, уцепившись за ливневую трубу, повис на ней всем весом. Труба угрожающе закрипела, а я принялся спускаться, и через несколько секунд уже стоял на подоконнике. В

квартире было тихо, к моему огромному облегчению – моей ночной отлучки никто не заметил. Машка спала в своей кровати, и я, стараясь не разбудить ее резким запахом бензина, вышел в прихожую и прошмыгнул в туалет, где со стиральным порошком долго тер ладони, пока не убедился, что отбил запах.

Едва я открыл дверь, как чуть не столкнулся с Мишей, стоявшим возле двери. Он был заспанным и сощурился от света лампочки, едва та ударила ему в глаза.

– Чего застрял там? – спросил он меня.

– Живот крутит, – соврал я.

– Еще бы, две банки тушенки умял, – нашел причину моему мнимому состоянию Миша и зашел в туалет.

В каком-то смысле меня правда пронесло, так как я не смог бы внятно ответить, если бы меня спросили, где это меня носило среди ночи. Мысли куда-то улетучились, и я впал в некое подобие сна, который, впрочем, отдыха не приносил. Наверное, начинал действовать адреналин, поскольку едва за окном забрезжил рассвет, я почувствовал сильную тошноту, и мне опять пришлось закрыться в туалете. Меня трясло, со лба капал холодный пот, который я вытирал рукой в промежутках между рвотными позывами, и ощущения были, как при сильном отравлении. Пожалел ли я, что исполнил свою затею? Нет, ни на секунду.

Глава 6.

Устроенный мной пожар надолго утолил жажду огня, уже

начинавшую было меня донимать. К тому же, он стал довольно значимым событием в городе и вызвал самую настоящую цепную реакцию. Не знаю, кто был тем внезапным незнакомцем в маске, но именно его появление сильно повлияло на последствия. Если бы не он, я бы швырнул бутылку в монгольскую "тойоту", но получилось так, что на стоянке сгорели только автомобили местных бандитов. Мысль эта меня грела, так как я искренне ненавидел этих, уверовавших в свою безнаказанность, наглых уродов, испортивших жизнь хорошим людям. Кабак, кстати, тоже серьезно пострадал и сейчас был закрыт на реставрацию, но главное было не это.

Местные братки были уверены, что поджог – это наезд со стороны монголов, объясняя это тем, что ни одна тачка с монгольскими номерами не пострадала. К сентябрю криминальная обстановка в городе резко возросла, увеличилось количество милицейских патрулей, а родители перестали отпускать детей без присмотра дальше чем во двор. Несмотря на мои протесты, мама настояла, чтобы Миша возил меня в школу вместе с Машкой, которая пошла в первый класс, и забирал нас оттуда. Я не хотел, чтобы одноклассники подумали, что дома меня держат за мамсика, так как в то время за это меня бы просто избили. Однако мои опасения были развеяны, едва я увидел, что я далеко не единственный, кто добирается в школу с родителями. Даже главный хулиган школы Серега Вяткин, абсолютный авторитет и гроза младших классов, в списке достижений которого была ночевка на

заброшенной стройке, теперь каждое утро вылезал из отцовских "жигулей".

"Знал бы ты, Серый, что твои разбитые стекла в гастрономе – ничто по сравнению с моими "шалостями", рассказывать о которых я не собираюсь," – думал я, глядя, как этот бугай отнимает деньги у пятиклассников, – "Знали бы вы, товарищи милиционеры, и вы, чертовы отбросы на своих дорогах тачках, что весь ажиотаж, творящийся в городе – дело рук одного одиннадцатилетнего школьника." Нет, я этим не гордился, и на самом деле это пугало меня чуть не до усрачки, но одновременно с этим и пьянило тоже. Это было как-то дико, за рамками привычных ощущений, но цель была достигнута, и раз я не мог оправдать дядю Игоря перед судьей, то меньшее, что я мог сделать – это заставить виновников его нынешнего положения ходить пешком, что я и сделал.

Единственные, кому я рассказал обо всем, были мои друзья. Аршам наигранно потрогал мне лоб ладонью, намекая, что я болен на голову, а Коля с легкой обидой в голосе спросил, почему я не позвал его, и взял с меня слово обязательно взять его с собой, если я снова задумаю нечто подобное. Тогда меня удивляло желание Коли добровольно ходить по лезвию, а с термином "адреналиновый наркоман" я не был знаком.

Время шло, наступил девяносто седьмой год, и жизнь текла в спокойном темпе. Я уже даже стал забывать, каково это, когда сердце от страха будто норовит проломить грудную

клетку. Касаемо моей тяги к огню – Миша часто, как мог, вывозил меня за город, где мы жгли картонные коробки, деревянные ящики и прочий мусор, который вдоволь можно было найти вдоль дорог. "– Хорошее дело делаем, чистоту наводим," – шутил он, – "Нам за это премию платить должны."

К спокойной жизни быстро привыкаешь, и события, выдающиеся из общей картины, всегда кажутся очень неожиданными. Первым таким событием была смерть Колиной бабушки, с которой он жил. Произошло это в конце января. Коля нашел ее, когда вернулся со школы. Бабушку ему, безусловно, было жаль, но он был уверен, что отныне будет жить один. Естественно, этого ему не позволили, что его очень удивлило, ведь квартиру бабушка завещала ему. Приехали какие-то дальние родственники из Иркутска, организовали похороны, и вскоре наша компания лишилась безбашенного белобрысого мальчугана, которого родственники увезли с собой.

Следующее событие, разбавившее наши серые будни и едва не лишившее меня жизни, случилось в апреле девяносто седьмого. Именно первого числа, в первый день весенних каникул. Пока я завтракал, к нам пришла тетя Вануш и передала, что Аршам ждет меня на нашем месте. Нашим местом была стройка, где мы играли в Джеки Чана, и если бы взрослые увидели, как выглядят эти игры, нас бы, скорее всего, привязали к батареям и не выпускали бы из дома. Мало того,

что мы носились по небезопасному участку, как угорелые, так еще и прыгали с одного балкона на другой, рискуя упасть на торчащую внизу арматуру.

– Сестру с собой возьми, – напутствовала мама, когда я, торопясь, допивал компот.

– М-м, – промычал я в ответ и через минуту уже напрочь забыл про Машку.

Как позже оказалось, моя забывчивость ее спасла. Я вышел во двор и уверенным шагом направился на стройку, когда меня вдруг окликнули.

– Эй, мальчик, – услышал я чей-то голос с сильным акцентом и повернулся.

Голос принадлежал какому-то мужчине восточной наружности, которого я сразу окрестил чеченцем. У него были большие темно-карие глаза, длинный узкий нос, густая, но не растрепанная черная борода и приглаженные назад черные волосы с проседью. На вид ему было чуть за сорок, и он оставлял впечатление богатого человека. Приехал он на новеньком "бмв", да и одет был в явно не дешевый черный костюм с плащом. Весь этот холеный вид контрастировал с фоном нашего двора, грязным и плохо заасфальтированным.

– Вы мне? – спросил я, вглядываясь в его глаза. Человек этот мне не нравился.

– Тэбе, – подтвердил он, – Поможэшь мнэ?

Я не знал, как с ним разговаривать и хотел этот диалог прекратить как можно скорее, поэтому сказал первое, что

пришло в голову.

– Вы незнакомец, а я пацан, которого в школе учат не говорить с незнакомыми.

Услышав это, он растянул тонкие губы в улыбке, обнажив ряд мелких зубов.

– Мнэ Фархад зовут, – произнес он, – Тэпэрь ты мнэ знаешь.

– Ну, наверное, – неопределенно пробормотал я.

– Дарбинян знаешь? – спросил незнакомец, и меня почему-то пробрал озноб, – Гарик Дарбинян мой друг. Я привэт привез для семья его. Из Москва. С первый апрэль поздравлять.

Я пытался угадать, что это за акцент. Явно не армянский. Тетя Вануш говорила с легким акцентом, а ее брат, дядя Аршама, который однажды приезжал к ним погостить, русский знал плохо, но поговорить любил, и как звучит армянский акцент, я знал отлично. Собственно, на чеченский его говор тоже походил мало. Чеченских террористов показывали по телевизору, заранее предупредив, чтобы убрали детей от экрана. Я был один дома и, естественно, после этого предупреждения внимательно уставился в экран.

– Нет, не знаю, – ответил я.

Я не верил ему. Я был уверен, что это плохой человек. И еще, я очень надеялся, что во двор не принесет Нину Вячеславовну. Она бы наверняка подробно объяснила, в каком подъезде и в какой квартире живут Дарбиняны, которых она

очень не любила. Но двор был пуст, и незнакомец продолжал давить на меня тяжелым взглядом карих глаз.

– Ну нэт, так нэт, – наконец произнес он, и я, повернувшись, зашагал прочь.

Сначала я хотел вернуться домой и рассказать тете Вануш, что их ищет какой-то черноглазый холуй с бородой, но все же продолжил идти на стройку. По очень глупой причине, которая мне в силу возраста казалась значимой. Я не хотел, чтобы незнакомец принял меня за труса. Ведь он видел, как я выхожу из дома, и если после разговора с ним я пойду обратно, то значить это может только одно. И я, подойдя к дыре в заборе, юркнул на стройку. Войдя в здание, я услышал шорох наверху и принялся подниматься.

– Аршам! – крикнул я.

– Я на втором! – ответил он мне из глубины здания, – Иди сюда, тут клевые доски. Можно сделать мечи.

Я же уже был на третьем этаже и, повернувшись, спустился на пролет вниз, как вдруг вздрогнул от неожиданности. Бородатый стоял посреди холла, отряхивая пыль с плеча.

– В школэ нэ училь тебе, что обманывать взрослые нэхорошо? – спросил он, и я бросился бежать вглубь здания.

– Аршам, ходу! – заорал я, – На трамплин!

Трамплином мы называли деревянную надстройку на балконе, с которой перепрыгивали на соседний балкон. Прыжок, кстати, был довольно длинным, около двух метров, и я очень надеялся, что незнакомец не станет повторять за на-

ми, к чему призывали нас самих создатели фильмов с Джеки Чаном. Как позже рассказывал сам Аршам, он подумал, что мы убегаем от милиции или охранников, которых сроду не было на этой стройке, откуда и так разворовали все, что можно. Я увидел, как он выбежал на балкон, а позже до меня донесся скрип деревянной надстройки, от которой мой друг оттолкнулся перед прыжком.

Приземлившись на соседний балкон, он остановился и повернулся ко мне, ожидая, пока я окажусь рядом.

– Давай, Витек, давай! – подбадривал он меня.

Я разогнался по балкону и, взбежав на надстройку, что было сил оттолкнулся от нее. Знакомый скрип досок, свист ветра в ушах... А за ним треск, которого раньше не было. Надстройка хрустнула и, сломавшись, полетела вниз, а следом и я. Те, кто воровал отсюда арматуру, спилили целый лес торчащих железяк, но последние две, видимо, оставили на потом. Я успел заметить, что внизу на меня острием смотрит кончик железного прута, и успел понять, что сейчас мне будет очень больно.

"Пацан просто притягивает неприятности," – думал Дима, перескакивая через ступеньки.

За стеной слышались приближающиеся шаги, и он, спрятавшись за углом, выставил руку поперек бежавшему. Бежавший налетел на препятствие и грохнулся на спину, зарывав от боли. Однако тут же вскочил на ноги, и около се-

кунды они оценивающе смотрели друг на друга.

– Уходы! А то убью! – с акцентом произнес гнавшийся за пацанами человек, и Дима оскалился в злобной улыбке.

– Афганец, – озвучил он свою первую мысль, так как сразу узнал акцент и характерные черты лица незнакомца, – Не место тебе здесь.

– А-а-а, шякал, – протянул тот, тоже улыбнувшись, – Во-евал? Кровь на мой зэмля проливал? Я таких вижю.

К слову, Дима за время службы действительно застал Афганистан, но до военных действий не дошло. Три месяца на советской военной базе в Кандагаре, куда их привезли после полугода учебки. Через три месяца рядового Косму вернули обратно в часть, так как результаты психической проверки очень настораживали врачей. К тому же, рядовой Косма подозревался в причастности к пропаже сержанта Гуреева, но доказать этого никто не смог. Это было не первое Димино убийство, но первое из личной неприязни. От "деда" Гуреева страдали все новобранцы, и однажды ночью Дима вывез его труп с пробитой головой в пустыню, где и закопал.

Хоть рядовому Косме и не довелось повоевать, он хорошо помнил тренировки по рукопашному бою. Учебка была жесткой, и нередко случались травмы, вплоть до переломов. В армию Дима попал с довольно средненьким здоровьем, и первое время ему приходилось тяжело, пока он, наконец, не окреп. Помимо тренировок, их учили сражаться с конкретным врагом – афганским моджахедом, и об афганцах он пом-

нил многое. Вот и сейчас, один только взгляд стоящего перед ним афганца уже говорил сам за себя, и оба не сомневались – драки не избежать. Афганец аккуратно снял плащ, повесил его на торчащий из стены гвоздь и закатал рукава рубашки, все это время не отводя взгляда от Димы. Дима ждал, когда у того в руке окажется нож, а оппонент не заставил его ждать слишком долго.

Нож сразу полетел в сторону от удара доской по руке, и схватка переросла в рукопашную. Несколько раз афганец едва не провел захват, из которого Дима бы уже не вырвался, а один удар в челюсть так и вовсе чуть не отправил его в нокаут. Пропустив удар в солнечное сплетение, Дима сделал вид, что испытывает сильную боль, и едва афганец подошел ближе, тот отточенным броском уложил его на землю, прижав его голову коленом к полу, и с силой крутанул запястье, ломая его. Афганец зашипел от боли, а Дима рывком поставил его на ноги и, заломав вторую руку, ударил его ногой в колено, ломая чашечку.

– Ты кто такой? – прорычал он, оседлав лежащего на спине оппонента.

– Нэ про тэбя, кто я такой, – ответил тот, скалясь от боли.

– Ну явно не хрен простой. Драться умеешь. Боль терпеть умеешь. Говори, кто такой, а то убью.

– Я же сразу говорил, я такой как ты вижю, – повторил афганец, – Ты мнэ так и так убивать будэшь. Я вижю, ты псих.

– Ладно, говори, что надо от пацана, и убью быстро, –

не стал спорить Дима, – И похороню по-человечески, слово даю.

– Ничего нэ надо от твой пацан, – сказал тот, – От Дарбинян надо. Гарик нэ знает, кому в Москва дорогу перешел.

– Семейю похитить приехал? – догадался Дима.

– Говорю, наше это дэло, мой и Гарика. Ну давай, нэ тyani уже.

Дима слез с афганца, схватил его за голову и резко крутанул, ломая шею.

"И как так получается, что мне приходится спасать этого мелкого сына предателя?," – думал Дима, подбирая отлепивший нож и пряча его за пазуху, – "Спаси, чтобы потом убить. Маленький говнюк."

Только теперь он обратил внимание на крики снаружи. Кто-то орал, чтобы вызвали "скорую" и спасателей, кто-то повторял "он жив, он дышит", и людей снаружи становилось все больше. Дима быстро обыскал афганца, переложив найденные у него ключи, документы и кошелек к себе, после чего взвалил тело на плечи, снял его плащ с гвоздя и спустился вниз, украдкой выглядывая на улицу. Люди толпились под балконами стройки, но выход был чист, и Дима быстро пересек двор.

"Бмв" приветливо моргнул фарами, Дима открыл багажник и на момент застыл от неожиданности. В багажнике уже лежал один труп, видимо, хозяина автомобиля, и Дима прямо сверху положил второе тело, попутно оглядевшись по

сторонам. Но внимание всех, кто мог его увидеть, было приковано к стройке, и он, сев за руль, выехал со двора. Навстречу ему пронеслась "скорая", а сам он помчался за город, дабы избавиться от тел.

Заехав в самую глухомань, пока машина не села на брюхо посреди лесной тропы, он заглушил двигатель и обыскал ее, наткнувшись на документы хозяина и небольшую сумму налички в долларах.

– Агафонов Дмитрий Денисович, – прочитал он в паспорте, – Не повезло тебе, тезка.

Паспорт вспыхнул от поднесенной к нему зажигалки, а Дима достал паспорт афганца, в который было вложено фото армянской семьи. Дима узнал Аршаму – ему на фото было лет восемь, и его мать. С ними стоял какой-то мужик, надо полагать, Гарик, а женщина и мальчик были обведены красным маркером.

– Фархад Рахман Шинвари, пятьдесят четвертого, Джелалабад... О, ну надо же. Московская прописка.

Второй паспорт и фото тоже вспыхнули от зажигалки, и Дима принялся вытирать свои отпечатки в салоне. Закончив, он вышел, вытер дверную ручку и багажник и, повернувшись, зашагал к дороге.

Глава 7.

Я не сразу понял, где нахожусь. Пожелтевший потолок, широкое окно, за которым надрывно каркала ворона, и гул голосов, как на вокзале. Повернув голову, я увидел Машку,

которая уткнулась в раскраску, вода по ней фломастером.

– Это ж моя, – сказал я ей, но слова давались с трудом, – У тебя своя, с животными. Не порть мою.

– Я свою раскрасила уже, – ответила она.

Отложив раскраску, Машка спрыгнула со стула, подбежала к двери и открыла ее, тут же усилив вокзальный гул голосов.

– Ма! Он проснулся! – крикнула она, высунув голову за дверь, и в следующую секунду на пороге возникла мама.

Оказалось, что я пробыл без сознания четыре дня, что мне сделали операцию, и что мне вообще очень повезло. Арматура проткнула мне живот сбоку и прошла в каких-то миллиметрах от внутренних органов, не задев их, и вышла со спины. Этого я не помнил, так как сразу потерял сознание, а врач уверял, что скоро я смогу отправиться домой. Однако это "скоро" наступило через пятнадцать долгих дней, за которые я успел узнать несколько нериятных новостей.

– Папа прилетел, – сказал Аршам, пришедший меня навестить, – Но он нас в Москву забирает. Послезавтра улетаем.

– Жаль, – ответил я, – Меня пока не выписывают. А то бы в "денди" еще разок рубанулись.

– Ага, – он улыбнулся и снова принял серьезный вид, – А кто это был?

– Где? – не понял я.

– Ну кто за нами гнался на стройке?

На момент я испугался, ведь я так и не предупредил, что

незнакомец искал именно их. Ведь он мог вернуться.

– Какой-то мужик, вас искал. Не русский.

– Армянин? – чуть удивился Аршам.

– Нет, точно не армянин, – покачал я головой, – На ченца похож.

– Я папе передам, – задумчиво сказал он.

Тем же днем, уже ближе к вечеру, когда я был один, дверь в палату снова открылась и вошел отец Аршама. Сначала я подумал, что он пришел вместе с кем-то, и удивился, когда он, войдя, плотно закрыл за собой дверь.

– Боец, – поприветствовал он меня, улыбнувшись золотыми зубами, – Скоро опять мяч гонять будешь.

– Здравствуйте, дядя Гарик, – поздоровался я.

– Э, какой дядя, ара, просто Гарик, – он поставил на тумбочку пакет с продуктами, – Тут айран, фрукты, сок-мок. Витамины, ара.

– Спасибо, – поблагодарил я, все еще не понимая, почему он пришел один.

– Слушай, Витя, – он заговорщицки понизил тон, – Мне Аршам передал за мужика того. Ты расскажи мне, он кто такой есть, что говорил, как выглядел? Все что помнишь, расскажи.

Я описал незнакомца, и вспомнив, добавил:

– Он сказал, его Фархад зовут.

– Фархад, Фархад, – вполголоса повторил дядя Гарик, – А, ворэт кунэм. Сказал, нас ищет?

– Ну да, – подтвердил я, – Я ему не сказал, где искать.

– Ай, молодец ты, Витя, красавчик, – он хотел было от души хлопнуть меня по плечу, но вовремя сдержался – видимо, мой бледный вид подсказал ему этого не делать, – Ты забудь его, как сон плохой. Нехороший он человек, Богом клянусь, нехороший. Ты лучше, впредь, знаешь как? Ты, если кто что спросит за Фархада, ты скажи – не знаю ничего. С людьми нехорошими лучше вообще не связываться, а то утянут. Понимаешь меня?

Я кивнул, хотя тогда не очень понимал, что он хочет сказать. Он, убедившись, что донес мысль, пожелал поскорее выздороветь, попрощался и ушел, оставив меня в глубоких раздумьях. Позже, когда меня уже выписали и привезли домой, я слышал разговор мамы с Мишей. Мама рассказывала ему то, что рассказала ей тетя Вануш.

– У Гарика торговый бизнес в Москве, импортные товары из-за границы идут, – говорила мама, – И к нему какие-то афганцы все подход искали, чтобы с его грузовиками свою наркоту возить.

– А этот зачем сюда приезжал? – спрашивал Миша.

– Страшно думать, зачем. И не видел его больше никто. Уехал, наверное. Надеюсь, не вернется.

– Бардак кругом, – заключил Миша, – Вот как себя защищать? Купил бы ружье, так нет, вслед за Игорем посадят.

Выздаравливал я довольно быстро, и даже застал послед-

ние две недели в школе, вместе со всеми закончив шестой класс. Физические нагрузки мне пока были противопоказаны, хоть и хотелось выплеснуть накопившуюся энергию. К тому же, летние каникулы обещали быть скучными, так как оба моих друга уехали, и общаться больше было не с кем. С ребятами постарше, что были с нашего двора, я общаться не собирался. Вся их компания была воспитана блатной романтикой, и некоторые из них уже успели побывать в колонии для несовершеннолетних, так что я предпочитал в одиночестве сидеть на лавочке, бросая на землю подоженные спички.

От скуки я перечитал практически все книги, что у нас были, и перевероршил старые вещи, лежавшие на балконе, в поисках чего-нибудь нового. Но вместо книг я наткнулся на другую, весьма неожиданную находку – старую шкатулку своего отца. Мама давно избавилась от всех его вещей и фотографий, но плоская деревянная шкатулка, видимо, завалилась вглубь одной из сумок, и ее мама не заметила. А я нашел.

Внутри было пожелтевшее фото, сделанное еще задолго до рождения Машки. Только родители, и годовалый я. "Северобайкальск, октябрь 1987" – было написано на обороте, и я вспомнил, что там жил дедушка, мамин отец, который скончался еще до того, как я стал запоминать свою жизнь. Не сказать, что находка меня обрадовала, но несколько вопросов к маме у меня появилось. Хотя бы про дедушку, ко-

того я совсем не помню. Ведь после случившегося с отцом мы никогда не говорили о нашей прошлой жизни.

Фотографию я сложил пополам и сунул в карман, снова вернувшись к шкатулке. Тут была старая, так называемая опасная бритва, аттестат об окончании института и бумажка с каким-то набором цифр. Все кроме фотографии я сложил обратно в шкатулку и поставил ее на свою полку, не решив, что с ней делать. Поговорить с мамой хотелось как можно скорее, но дома никого не было. Взрослые повезли Машку на прививку, и я, сунув фото в карман, отправился во двор, дабы встретить их еще на подъезде к дому.

Едва я оказался на улице, как попал в поле зрения Нины Вячеславовны, ковылявшей с какими-то сумками. Едва она увидела меня, тут же принялась голосить, будто я был главным виновником того, что она устала тащить свою поклажу.

– Ну чаво смотришь то, чаво смотришь?! – накинулась она на меня, – Най сумки, тащи кверху.

– Мне нельзя, – честно ответил я, так как таранить ее баулы на четвертый этаж у меня не были ни желания, ни здоровья.

– Най, я сказала, тащи! – гаркнула она.

Не знаю, почему я просто не плюнул и не пошел прочь. Опять же, излишняя детская скромность и замкнутость, с которой я тогда ничего не мог поделать. Я подошел и взялся за ручки сумок, тут же об этом пожалев. Было тяжело, каждая весила килограмм по двадцать, а Нина Вячеславов-

на, шагавшая сзади, ни на минуту не умолкала, приговаривая "давай, давай, не филонь". Едва я преодолел один лестничный пролет, как боль в боку стала невыносимой, и я разжал ладони.

Сумки упали на пол, послышался звон бьющегося стекла, запахло солеными помидорами. Сам же я, схватившись за едва заживший шрам, упал рядом, пока вызванные острой болью яркие белые круги вспыхивали перед глазами.

– Ах ты ирод! – донесся голос соседки откуда-то издалека, – Ах ты паразитина такая!

Мне показалось, что она сейчас пнет меня ногой в живот, с нее станется. Но она продолжала орать на весь подъезд, ставя всех, кто ее слышит, в известность о том, что Витька Скворцов из двадцать седьмой квартиры – мразь и малолетний фашист, на которого надо написать заявление в "мялицию". Внезапно она стихла, и наклонившись, что-то подняла с пола. Боль же начала отступать, и я, подняв взгляд, со страхом увидел, что у нее в руках.

– А это чевой? – пробубнила она, глядя на фотографию, выпавшую из кармана шорт.

– Отдайте! – выпалил я.

Я пытался говорить жестко, но от боли в районе шва голос предательски дрогнул.

– Это ж этот. Это ж людей жег. А чевой тут мамка твоя?

Чертова дурында не могла запомнить отчество почтальонки, Евдокии Афанасьевны, называя женщину старше себя

Дуней. Не могла выучить номер своего телефона. Расписание разных контор всегда оказывалось для нее сюрпризом, когда она приходила в какой-нибудь собес или водоканал за пять минут до перерыва на обед. Но лицо преступника, которое крутили по телевизору и печатали в газетах три года назад, она помнила так, будто это был ее близкий родственник. Нина Вячеславовна недоуменно смотрела на фотографию, изредка переводя взгляд на меня, пока я поднимался с пола.

– Отдайте, это мое! – уже более уверенно выкрикнул я.

Она издала какой-то смеющийся и одновременно булькающий звук, подхватила свои сумки, с которых текла вода, и бросилась наверх, оставляя на ступеньках две мокрые дорожки. Я остался внизу, слушая, как быстро, даже слишком проворно для ее возраста, шаркают ее ноги, удаляясь наверх, как звенят ключи и щелкает дверной замок. Я не хотел думать, что будет дальше, и едва хлопнула соседская дверь, зашагал на улицу.

Позже, когда вернулись взрослые, я рассказал им о случившемся, начиная с того, как нашел шкатулку. Я принес ее на кухню, и теперь она лежала на столе, тогда как мы втроем стояли вокруг.

– Я думала, что избавилась от нее, – вздохнула мама и обернулась на стену, за которой жила соседка, – Она теперь трепать начнет. Может, уже начала своих клуш обзванивать.

– Тогда надо что-то делать, – изрек Миша, и взяв кусачки,

вышел на лестничную площадку.

Выглядел он, как школьник, затеявший шалость, даже кончик языка прикусил, когда подкрался к соседской двери.

– Миш, ну ты дурачок, что ли? – сорвалась на шепот мама.

Тот молча поднял руку с кусачками и перекусил телефонный провод, ведущий в квартиру Нины Вячеславовны. Я не выдержал, прыснув от смеха, и мама впихнула меня в прихожую вместе с Мишей.

– Теперь не будет трепать, – констатировал он, убирая кусачки в ящик.

– Ну не портить же имущество ей, – мама все еще выглядела слегка возмущенной.

– Тебе ее жалко что ли? Весь подъезд от нее стонет, – возразил Миша.

– Эх, ладно, – сдалась мама, – Я с ней поговорю вечером.

– Давай вместе поговорим, – предложил Миша, – Чтобы с первого раза поняла. А то меня завтра целый день дома не будет.

– На работе завал?

– Завтра за деталями ехать в Братск. Так что это даже, скорее всего, на сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.